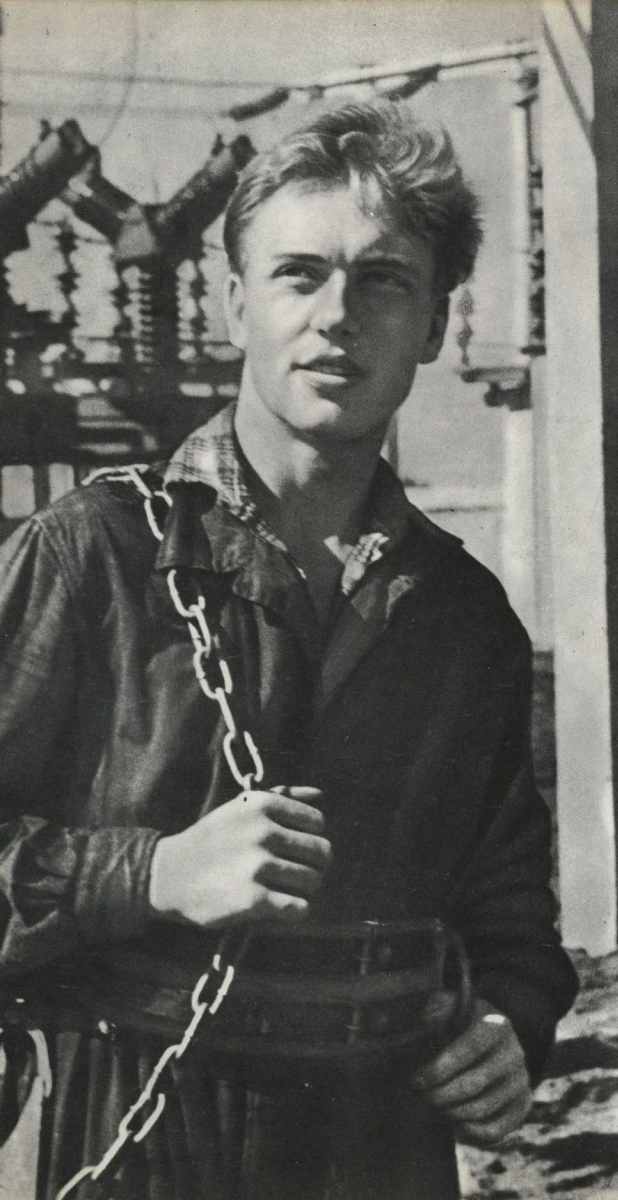

СМЕНА

23 1961

Простой хороший парень Мена Григорьев, о котором рассказывалось в «Смене» № 18, любил и трудился в коллективе электромонтажного поезда № 708. Комсомольцы поезда полагались с честью завершить дело, которому отдавал весь жар своей молодой души Мена, — досрочно завершить электрификацию Петропавловского отделения Южно-Уральской железной дороги. Слово свое они сдержали: но дню открытия XII съезда партии строина была заночена, по дороге прошли первые электропоезда.

На этом снимке: один из передовых рабочих ЭМП-708, молодой мастер участка Геннадий Вуханов. Впереди у него: новые дороги, новые трудовые победы.

Фото Н. СЕРЫЛОВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Год издания тридцать восьмой.

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

23

ДЕКАБРЬ
1951

ВЕЛИКАЯ ЦЕЛЬ ЗОВЕТ

Говорят делегаты XXII съезда КПСС

НАША ЛИЧНАЯ ПРОГРАММА

В. СМИРНОВ,

судостроитель Балтийского завода
имени Орджоникидзе,
Герой Социалистического Труда

Ваше представление о счастье? — Борьба.

Так ответил Маркс.

Вспомнил слово счастливые дни моей жизни, я невольно думаю об этих словах Маркса. В его ответе слово «борьба» имеет очень глубокий смысл. Когда борьба завершается победой, это и есть счастье. Для нас, советских людей, борьба за коммунистический труд, за нового человека и есть в конечном счете борьба за счастье.

В моей жизни, как и у каждого советского человека, было много дней, которые с полным правом можно назвать счастливыми. Навсегда останутся в сердце день, когда меня принимали в партию, — я был счастлив, потому что отныне принадлежал к партии, совершившей революцию, к партии, созданной Лениным. Я испытываю огромную радость, каждый раз, когда со ступеней нашего завода спускается очередной корабль, ибо и моя доля труда заключена в создании этих морских гигантов. Как иначе, если не счастливым, назвать день, когда наша бригада получила звание коммунистической? Я помню ощущение счастья и гордости, когда впервые прочел слова: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Да, я могу припомнить немало таких радостных событий. Я не забываю о них и сейчас, когда закончил свою работу XXII съезд нашей партии. Октябрьские дни 1961 года сохранятся в моей памяти как самые дорогие, самые замечатель-

ные. Они отмечены величайшей победой в борьбе за человеческое счастье.

В октябрьские дни 1961 года в Кремлевском Дворце съездов я слышал голос партии коммунистов. Я слышал то, что золотыми буквами будет записано в истории человечества.

Людей моего поколения еще не было на свете, когда народ России встал за себя в свои руки, но я думаю, что человек, бывший свидетелем всех великих событий нашего века, мог бы с полным основанием сказать: дни XXII съезда столь же знаменательны, как и те, когда Ленин провозгласил Советскую власть!

Я с огромным интересом и вниманием слушал доклады и выступления Никиты Сергеевича Хрущева. Он говорил от имени партии. И все мы, сидевшие в зале, вочию представляли себе коммунистическую экономику, мощную промышленность и сельское хозяйство, великую коммунистическую науку и культуру. Доклад о проекте Программы раскрыл перед нами зримую картину нашего будущего — картину, создать которую не под силу самому дерзновенному фантасту. Но это не фантастика. Слова, сказанные трибуной XXII съезда, точны и конкретны. Они указывают прямой путь к осуществлению программы человеческого счастья.

Сейчас я по-прежнему работаю в своей бригаде. Нас четверо: Алексей Бурко, Геннадий Ермаков, Александр Алексеев и я. Средний возраст членов нашей бригады — 20 лет. И мы знаем: наше поколение будет жить при коммунизме. Коммунистическое будущее создается нашим сегодняшним трудом.

«Сейчас весьма важно, чтобы на каждом заводе, на каждой фабрике и стройке, в каждом колхозе и совхозе усилила всех труженников были направлены на выполнение и перевыполнение производ-

венных планов. Чем выше производительность, чем выше качество, тем больше будет создано ценностей; чем больше будет ценностей, тем более ускоренным будет шаг советского народа к великой цели — построению коммунистического общества» — эти слова Никиты Сергеевича Хрущева мы восприняли как свою личную программу.

ГОЛОСУЕТ ЭНТУЗИАЗМ

К. МАСЛИН,

бригадир бригады
коммунистического труда Ураламшазавода

Я хочу сказать об одном делегате съезда. Он не значился в списках, но это был один из самых уважаемых делегатов. Он стоял на трибуне рядом с каждым выступающим. Он поднял свой мандат голоса за Программу партии. Этим делегатом был Энтузиазм.

Когда с трибуны съезда Никита Сергеевич Хрущев говорил о том, какие задачи стоят перед нами, когда за строгими колдовскими цифрами, за четко сформулированными идеями вставало наше близкое будущее, ни одному из участников съезда эти задачи не показались несущественными, а сроки — сказочно малыми. Чего не делает народ, когда в нем живет энтузиазм!

Что такое энтузиазм? Мне кажется, в конечном счете — это вера. Энтузиазм рождается только тогда, когда человек поверит в дело, поверит не только разумом, но и сердцем.

Почему наши деды и отцы, не страшась тюрем и казней, совершали революцию, побеждали на фронтах гражданской войны, обогнали время на стройках первых пятилеток? Они верили в наше дело. Верили сердцем.

Голос энтузиазма мы слышали и на XXII

съезде нашей партии. Слушая этот взволнованный, всегда молодой голос, мы невольно думали о том, как изменились наши люди, и о том, что, переживавшие двадцатилетие, мы приходим в коммунизм.

Я думаю об этом и теперь, вернувшись со съезда на свой родной Ураламшазавод. Сейчас нас в бригаде четверо. Мы трудимся в счет 1967 года. Каждому из нас часто приходится отвечать на вопрос: как мы добились такого успеха? Бригада обслуживает двенадцать станков, непрерывно повышает производительность труда путем внедрения всевозможных приспособлений. Рассказывая об этом, мы редко употребляем слово «энтузиазм». Но именно он лежит в основе высоких темпов труда. Энтузиазм в корне изменил отношение к делу — не «защипать денюгу», а выполнять долг советского рабочего перед страной! Члены нашей бригады учатся без отрыва от производства, относятся к работе как к творчеству, потому что умом и сердцем мы верим в то, что своим трудом приближаем коммунизм.

До конца семилетки наша бригада обязана выполнить еще один смирительный план. Это наша программно-минималка. Программально-максимум — осуществить то, что провозгласила партия на своем XXII съезде.

Е. КУЛЕМИНА,

звеньевая колхоза «Ирасный пахарь»,
Гарновской области,
Герой Социалистического Труда

МЫ ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ

их занятий, однаково глубоко волнован и дела нашей тяжелой промышленности, и сельское хозяйство, и наша наука и искусство. Советский человек стал подлинным хозяином жизни. Что бы ни делалось в нашей стране, все правдоподобно ему, все для него. Когда думался об этом, по-настоящему чувствовал, какой огромный путь прошел наш народ за сорок четыре года под руководством партии.

Каждая советская колхозница знает, что делает Большое общегосударственное дело. Мы работаем не вслепую, не по прищипу «давай, давай!». От нашего труда, от того, какой мы выработим урожай, зависит жизнь страны, всего нашего народа. Не случайно также огромное внимание на съезде партии было уделено сельскому хозяйству.

Здесь мне хочется сказать о том, что особенно дорого нам, колхозникам. Каждый, кто хоть немного знаком с сельским хозяйством, не мог не заметить, как глубоко и всесторонне знают нашу жизнь — жизнь колхозников — руководители партии, особенно Никита Сергеевич Хрущев. Такие знания не приобретешь, сидя в кабинете и читая сводки. Руководители партии разговаривают с нами на нашем профессиональном языке. Теперь, когда XXII съезд КПСС поставил перед нами новые задачи, мы знаем, что непременно выполним их, потому что цифры взяты не «с потолка», а глубоко и всесторонне продуманы с учетом всех наших возможностей.

Я работаю в кукурузоводческой бригаде, и мне особенно близко то, что говорилось на съезде об этой замечательной культуре. Все помнит слова Никиты Сергеевича Хрущева: «Без кукурузы колхозы и совхозы не поднимутся на должный уровень в производстве зерна. Кукуруза показала свои

возможности во всех районах Советского Союза. Если в отдельных районах страны кукуруза внедряется формально, колхозы и совхозы снимают низкие урожаи, то в этом виноват не климат, а руководство!». И не первый год знаком с кукурузой и потому с полной уверенностью могу сказать: это утверждение основано на большом и глубоком опыте, на фактах.

В нашем колхозе «Красный пахарь» несомненно лет назад мало кто верил в кукурузу. Зигуанцы потянули за собой других. Теперь в нашей бригаде 18 девушек. В этом году нам удалось собрать по 538 центнеров зеленой массы с каждого из 100 закрепленных за нами гектаров. Добившись таких результатов, мы ринули взять шефство над комсомольско-молодежным звеном соседнего колхоза «Заря». Когда собором там комсомольское собрание и на конкретных примерах рассказала о значении кукурузы, молодежь поверила в нее. Была создана кукурузоводческая бригада. Работала она горячо, по-комсомольски. В результате наши подшефные получили по 521 центнеру зеленой массы с гектара.

XXII съезд партии еще раз убедил нас в том, что мы были правы. Поэтому теперь вместе с молодежью «Заря» мы готовим еще больше посевных площадей под кукурузу. Уверены, что задачи, которые поставил съезд перед кукурузоводами, мы выполним с честью.

Со страниц «Смены» мне хочется обратиться к колхозной молодежи с призывом послать нашему примеру. Если в нашей бригаде, в вашем колхозе дела идут хорошо, не считайте, что ваша задача полностью выполнена, помогайте соседним колхозам, организуя подшефные бригады. Ведь все мы делаем общее дело!

Все, что говорилось с трибуны XXII съезда партии, касалось каждого советского человека. Слушая доклады Никиты Сергеевича Хрущева, я видела на лицах тысяч делегатов огромное внимание, какое бывает, когда говорят о чем-то своем кровным, глубоко личным. В зале собралась масса разных профессий, но я чувствовала биение одного сердца. Я, простая колхозница, некогда представляла себе русскую крестьянку так лет сорок назад. Что было ей до науки или искусства, до того, чем занят ученые? Какая существовала связь между тяжелым крестьянским трудом и заботами ученых или писателей? Никакой. Теперь все иначе. Всех делегатов, независимо от рода

Паруйр СЕВАК

Испанским коммунистом.

СЕРЕДИНА ВЕКА

1

На две части век разделился,
разомылся и рассосался.
Но не как кожура граната
под полуденным солнцем жарким —
лопнула, как губа патриота
от палачей тюремной жажды.
Нет, не трещины в глыбе гранита —
проломил эта свежая рана
через сердце борца-коммуниста,
сердце гордое эмигранта.
Где-то море родное плещет,
где-то несся его народ...
Это сердце всегда трепещет
и живет у родного порога.

2

Начинал столетие Ленин,
и «Что делать?» — первая вежа,
первый компас для поколений,
первый вымпел нашего века.
О, как много мы сотворили
о, как много дорог проторили!
Хорошо столетие начато,
а кончать — еще лучше надобно.

Вся работа закончена начерно,
и пора переписывать набело.

3

Век делений и век делений,
век слияний и объединений,
поднимаешь порабощенных,
разрываешь свои оковы,
собираешь рабов разобщенных
и диктуешь свои законы.
Пополам разрублено Конго,
и Германия, и Корея...
Только в наше время надобно
не поставить народа на колени
Ну, а те, кто хлынул вбываю,
и готовят новые цепи,
и делают новые цели, —
об одном пусть не забывают:
что народ, изгнанный-сыну
равно ль посылать — проливает руку,
что сердце разлученных насильно
все сильнее стремится друг к другу!

Перевел с армянского
Станислав КУНЬЕВ.

Я РАССКАЖУ ВАМ О СЧАСТЬЕ

О маленьком поселке, что вырос недавно на берегу Северного Донца и которого нет на обычной карте, о его людях — строителях и энергетиках Луганской ГРЭС, — об их работе и отдыхе, об их радостях и волнениях. Об их мечтах. (См. стр. 3—10).

ЛЮДИ ИЗ БУДУЩЕГО

Ну, что же вы молчите! — Небольшие внимательные глаза Царана подолгу останавливались то на одном, то на другом лице. И под этим взглядом — цепким, немного тяжелым — кто-то неожиданно бледнел, кто-то жарко, до слез занимался румянцем, кто-то начинал судорожно листать разломанные десятками рук номера журналов, которыми был щедро усыпан длинный, важный от яркого солнца стол красного уголка.

Алексей понимал, какво это — вот так подняться и безо всяких сказок бригаде примерно следующие: «У меня такой-то урожай. Но в прошлом месяце я работал гораздо хуже, чем положено человеку моей квалификации. Поэтому считаю, что заработок за этот месяц мне должен быть начислен по более низкому разряду...» Или приблизительно то же, но о своем товарище, который сидит тут же рядом и с укоризной, а то и с обидой смотрит на тебя. Бригадир все это понимал и особенно не торговал ребят, давая им подумать, собраться как следует с мыслями. Да и себе...

Сколько он уже здесь, в поселке? Что-то около семи лет. Давно... А первый день помнил так ясно, словно это было вчера.

...Вышел из автобуса вместе с другими, отгляделся. Покосившись домики с лихю сдвинутыми набок крышами, бесцеремонный осенний ветер песок, скрипящий на зубах, непроглядная тьма... И такое его зызло зло! — Эх, ты! — надунулся Царан на вербовщика, привезшего их сюда. — Ты что говоришь нам о счастье? О Екатерине Второй? О здешних красотах? Где же все это!

— Тихо, тихо... — востроженно сказал мужичина, из всякий случай выставив вперед ладони. — Ну да, рассказывают, проежала тут царица, увидела речку, кустарничек и заявила: «Ах, какое счастье жить здесь!» С тех пор и стали называть так деревушку. Будто в насмешку. Какое уж тогда было счастье...

Голос мужичина зазвучал более уверенно: — Зато теперь!.. Скоро здесь вырастет поселок со всеми удобствами. Потом болшущая ГРЭС. Люди, знаете, как нам нужны? Во! — Он крепко схватил себя обними руками за горло. И уже примирительно закончил: — Кто-то ведь должен начинать...

«Действительно, должен же кто-то быть первым!» — вдруг совсем спокойно подумал демобилизованный старшина и, подхватив потер-

тый чемоданчик и крупобедрую гитару — весь

свой багаж — сердито потребовал:

— Давая показывая, где тут помыться...

«Неужели столько лет прошло! — снова удивленно подумал Царан. — Время мчится прямо с реактивной скоростью. Вот уж третий год пошел с тех пор, как бригаде присвоено звание коммунистической».

Трудное было времячко... Собственно, тяжеловато пришлось Алексею с самого начала, как только назначили его бригадиром штукатуров: народу много, а все молодежь, и притом зеленая-зеленая. Вроде знания у них есть — училища кончили, — а большинство элементарного откоса сделать не может.

И все-таки Алексей решил, что бригада должна быть комплексной: каждый обзавелся овладеть несколькими специальностями, чтобы ни от кого не зависеть, чтобы валей или неволь не протаставать. Нужно поработать за каменщиков? Пожалуйста. Нужно за мотористов? Пожалуйста. Нужно за разнорабочих? Пожалуйста.

Так и получилось, что самая, как казалось, обычная бригада вдруг резко вырвалась вперед — и по выполнению плана и по заработку. А потом комсомольско-молодежная бригада отделочников буквально вслед за делом Москва-Сортирочивная вступила в соревнование за право называться коммунистической. Что изменилось с того момента, как ребята начали свою почетную борьбу? Как будто ничего. Работали так же добросовестно, как и раньше. Дружили так же искренне, как и

Алексей Царан ведет собрание... — Значит, не будем отступать от традиций?

прежде. И все-таки еще строже к себе и другим стали люди, еще душевней, еще добрей.

Раньше ребята и выпить могли и выпутаться. Что особенного? Не в рабочее же время. Теперь с этим было покончено. Раньше могли хорошо, но не очень, выполнить задание. Был как-то такой случай. Выставляли в одном доме полы метлахской плиткой. Царан посмотрел и поморщился:

— Что ж это вы с зазубриной кладете? — А-а-а... Ничего... Ногами исцурхаете! Как будто мелочь. Не ювелирная ведь работа! Теперь ничего подобного не могло случиться.

Не сразу это произошло, не в один день. Кое-кому пришлось здорово ломать себе, кое-то не выдерживал, срывался. Но эти люди никогда не выпадали из поля зрения бригады, особенно Царана. Вот, когда пригодились его выдержка, его настойчивость, его умение понимать людей, приобретенные за годы службы в армии.

Многие приходили посмотреть, как работает бригада Царана. И всех поражало одно. Темп. Дуалось, что парадной коллектива должны работать так, как подчас показывают в кино. Крупным планом — напряженное лицо с целеустремленным взглядом или руки, мелькающие у станка. Фон — жизнерадостная маршеобразная музыка...

А тут люди работали неторопливо, совсем по-обычному: ни суровых лиц, ни святающихся фигур, ни решительных, как в бою, указаний командира.

И лишь потом становилось ясно, что это достигается за счет четкой организации труда, за счет продуманной расстановки людей, которые работали обычно парами — более опытный с менее опытным, — за счет истинно творческого отношения к своим обязанностям.

Осенью 1959 года решением постановки бригады Царана, первой в районе, было присвоено често заработанное в челюкино соревнованиях звание коллектива коммунистического труда.

...Алексей глянул на часы. Прошло всего несколько секунд с того момента, как он объявил об открытии собрания. А сколько вспомнилось! О чем, интересно, думают они, вот эти люди, с которыми так крепко связана его судьба? «Стареньки», тех, с кем завоевывал звание, мало осталось. Почти всех отдельной бригадой перевели на другой объект — там сейчас, дескать, нужны опытные рабочие. А к нему недавно снова направили новиков, только из училища. «У тебя уже есть опыт воспитания, так что не возражай», — сказали ему. Опыт оплошам. А начинать все сначала нелегко, да еще с такими. Ведь соседи, молодежь — жизни еще не нохали. Дело ведь до смешного доходит. Как неудача, так забывается какая-нибудь девчонка в угол и ревет. Начнешь ее тормошить, чтобы ее плачь, в чем дело? А она только вслихивает: ничего у меня не выходит, никогда не научусь работать, как вы... Вот и расколывай ей, что к чему, вот и показывай, как правильно держать щетку или полутерок, чтобы аккуратней выходило...

Царан еще раз посмотрел на взволнованные лица. Нервничает... Это понятно. Даже «старенькие» и то переживают.

Вот сидит Татьяна Федосова. Подперла кулачком темяброве, с полным крупным ртом лицо. Хмурится... Ну, давно она в бригаде... Не брося работы, окончила десятилетку... Несмотря на незлые, а все-таки иногда обидные шуточки товарищей («Образованная! Что бы из нами делал(а)?»), не ушла из бригады: институт, куда не денется... Ну, член комитета комсомола участка... И что? Ведь начнут критиковать, несмотря ни на стаж, ни на опыт, ни на «образованность», если что не так будет? Зина Петрова — из новичков. Алексей видел ее, орущую нехитрым, но капризным инструментом штукатура, в платке и черном комбинезоне, подчеркивающим ее тоненькую, совсем еще девчачью фигуру. И в маршковой шерстяном платке на вечерке во Дворце культуры. И всегда его поражала в Зине какая-то удивительная заинтересованность во всем, какое-то обаяние любопытства к жизни. Она никуда не уйдет, пока не сделает то, что Алексей ей поручит.

...Царан посмотрел на Зину, круглолицую, коротко стриженную, и вспомнил, как из грубого, с мокрыми желтыми стенами строения вырывался прозрачный, хриплый голосок. Зина любимая пела:

Купите фляжки, вам таких не найти...

Это очень здорово, когда работаешь, и тебе петь хочется...

До чего же они все разные, эти на первый взгляд такие одинаковые девчонки! И в каждой нужно разобраться.

Нина Сузина — маленькая, полненькая, с мягким украинским выговором. Работает с удовольствием. Мечтает поступить на курсы кройки и шитья. Мамы у Нины нет. И ее родители, живя лично часто бывает грустными.

Маша Бальбух с большой охотой перенимает опыт у старших. Ей очень хочется во всем догнать их. Но это темноволосой застенчивой девчушке есть еще одно большое желание — поучить в этом году аттестат зрелости. А вот Майя Будник интересуется всем, кроме работы. Задания выполняет нехотя, кое-как. Потом, спокойно глядя Царану в глаза, утверждает, что ей никто ничего не показывал, что ей мало уделяют внимания. Но, какое уж тут внимание, если человека больше волнует, как бы манюрок растормозить, не испортить, чем выполнение бригадой своих обязательств!

... Ну, не будем затягивать, — поднялся Царан. — Вы знаете, что старший состав бригады поставил: регулярно подводить итоги работы. Мы сами делаем вывод, кому сколько заплатить за прошедший месяц. Или по более высокому разряду, или по менее высокому — в зависимости от качества работы. Это является главным показателем стимула. Значит, девчонки, показывать старую радиацию или нет, поскольку к нам пришло много новеньких и они вправе соглашались с этим или не соглашались...

... Конечно, это будет несправедливо — платить соответственно старшим и нам. Все видит, что они работают лучше, чем мы, хотя у многих из нас разряды не ниже, а то и выше. — поддержала Царана Нина Сузина.

— Я считаю, что за прошлый месяц мне нужно снизить зарплату, — решительно поднялась Зина Петрова.

— И, пожалуйста, хоть нулевой разряд давай! — упрамо трахлая рывежисловой головой Майя Будник.

Потом говорили старшие. Просто, доброжелательно, но без слезок оценивали они работу своих подопечных. Ничего, пройдет время, и новички подкрепят свои теоретические знания практикой, догонят их. А пока и слышь, и обиды, и переживания — все это вещи естественные, так сказать... Это была основная мысль у всех выступавших.

Алексей слушал их и радовался: правильно идет собрание, молодые ребята! Для молодежи это большой нравственный урок... Об одном не подумал бригадир. Что этот урок принес явную пользу и потому, что его умело вел он, Алексей Царан, молодой коммунист, чуткий воспитатель, настоящий рабочий человек.

ЗВУЧИТ ПЕСНЯ НАД КАРИБСКИМ МОРЕМ...

Его называли фантазером. А ему казалось, что он романтик. Он был убежден в этом, когда выпрашивал у матери одну из комнат и вместе с товарищами, такими же, как и он, непоседливыми николаевскими подростками, устраивал в ней ШКИЛ, что означало клуб коммуны имени Ленина. И когда по поручению ребят сочинял слова и музыку марша. И когда придумывал приветствие: что-то вроде пионерского салюта, только ладом, сиката в кулак, как у испанских республиканцев. И когда боролся вместе с товарищами против воровства и кулиганства. И когда делался последним с теми, у кого вообще ничего не было. И когда штурфовал собрание сочинений Ленина и «Капитала» Маркса, приобретенные на первые заработанные деньги.

Его называли беспринципом. А он считал себя неуязвимым. Почти весь Союз объездил он, занимаясь то матросом на кораблях, то бетонщиком на стройке, то грузчиком в порту, то токарем на заводе. Ничего у него не было, только сумка с книгами. Первое, что он отыскал в новом месте,— читальня. И потом его уже каждый вечер видели там — а потерю свитера и, если тепло, в тапочках на босу ногу.

Было в этом парне что-то от молодого Гераного: страсть к новым местам, к новым людям, к новым книгам. Его доброта, его чуткость. Скромно было даже во внешности — высокий, сутуловатый, со скулящим лицом, крупным носом и прямыми, спадавшими на виски волосами.

С самого детства его тянуло к бумаге: он писал стихи, складывал песни. Не мог он от этого избавиться ни во время своей школьной жизни, ни в те годы, когда служил в армии на Дальнем Востоке, ни тогда, когда вскоре после демобилизации приехал в Сусьвя.

Его зовут Иван Немченко. Это имя знакомо жителям десятков

стран мира. И помогла этому песня...

Все началось у него с первых же газетных сообщений о революции на Кубе. За сухими, лаконичными строчками он видел яркий, словно отлитый из золота, песчаный берег, чувствовал теплый вромат тропических плодов, слышал глухое и ритмичное, буд-то пульс, биение волн о круглые камни.

Но чаще ему виделись люди, те, что стали хозяевами фантастического острова, и те, что не успели ими стать, что спят без сновидений в горах Сьерра-Маэстры с крохотным кусочком металла в груди.

Он читал о них все, что можно было достать. А потом решил написать сам: это должна была быть история революции в трех кулаках.

Слова напоминали вынутые из кузнечного горна детали — они обжигали, такая в них была страсть, такая боль. Звездными летними ночами, в маленькой комнатке, заваленной книгами и черновиками, строка за строкой рождалась песня:

Повстанцы Сьерра-Маэстры
Где-то в горах крутых
Выгляди
Кровью сердца своих
Завет

всех тех,
которые гибли,

Сражался за светлое завтра
народа.

Светлые слова «Куба либре!»
Либре — это Свобода!

Он принес ее во Дворец культуры на репетицию эстрадного оркестра. И такая убежденность была во всей его угловатой фигуре, так авторитетно звучал голос, когда он читал слова, когда напевал мотив, что музыканты — рабочие парни с ГРЭС — тут же решили в самое короткое время разучить песню.

Иван Немченко увлек их не только хорошо сделанной вещью: он предложил записать песню на магнитофонную ленту и послать ее на Кубу в подарок молодым повстанцам от энергетиков и строителей Луганской ГРЭС.

Во время работы уточнялись слова, рождалась окончательная мелодия. И вот после двух месяцев напряженнейших, за полночь, репетиций ребята погрузились в машину и отправились на Луганское радио.

Волновались оркестранты, волновался солист — обладатель приятного баритона Станислав Баранченко. Но больше всех, конечно, нервничал Иван Немченко.

Записали. Но на это волнение не кончились. Как переспать подарок!

Иван пришел к рабочим строительного участка № 1, борющегося за звание коммунистического, рассказал им о песне и попросил сделать маленький плоский ящичек для послышки.

— Денег на это дело у нас нет,— торопливо закончил он,— я сам заплачу...

Но ребята посмотрели на него с таким удивлением, что Ивану стало не по себе.

Сделали они ящичек аккуратно и быстро. Но он оказался не совсем той формы — планка могла испортиться. Тогда строители изготовили другой, такой удобный, изысканный, так тонко отделанный, что на него радостно было смотреть.

Иван написал обращение к кубинской молодежи, письмо к послу, вложил их вместе с нотами и пленкой в послышку и помчался на почту.

Он забегал туда каждый день. Но ответа не было. Работники почты переживали вместе с ребятами. А те вообще ходили

На репетиции новой песни.

— Это должно звучать так... — объясняет Иван Немченко.

«КУБА ЛИБРЕ!»

Слова и напев И. НЕМЧЕНКО.

Музыка А. ДЯЧЕНКО.

МАРШ РЕВОЛЮЦИИ

Революционной кубинской молодежи посвящается.

<p>I</p> <p>Повстанцы Где-то в горах крутых Выгляди на знамени честном Кровно сердца своих Завет всех тех, которые гибли, Сражась за светлое завтра Святые народа, Слова «Куба либре!» Либре — это Свобода! В муках стонали б, как люди, Горы, если могли бы: Куба рабско не будет! Куба либре! Куба либре!</p>	<p>II</p> <p>Девизом слова эти были На боевом пути, С ними победу добыли Внуки Хосе Марти. И, слава тех, которые гибли, Сражась за гордое счастье народа, Звучали слова «Куба либре!» Либре — это Свобода! Горы плясали б, как люди, Пели, если могли бы: Куба рабско не будет! Куба либре! Куба либре!</p>	<p>III</p> <p>А пламя борьбы не погасло В этот тревожный час, Голос Фиделя Кастро Вновь призывает вас, Как прежде, тех, которые гибли, Сражась за мирное завтра народа, К защите родной Куба либре. Либре — это Свобода! С ним повторяли б, как люди, Горы, если могли бы: Куба рабско не будет! Куба либре! Куба либре!</p>
--	--	---

The musical score is written in a standard staff format with a treble clef and a 2/4 time signature. It includes a piano introduction and is divided into three parts corresponding to the lyrics above. The lyrics are written below the notes in Russian. The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings.

словно в воду опущенные. И вдруг газетное сообщение: в столицу прибыл чрезвычайный и полномочный посол Республики Куба Фауре Чомон Мединаилья. А буквально через два дня на имя Ивана Немченко и автора музыки Анатолия Дьяченко пришла телеграмма: «Получили вашу посылку горячо благодарим сердечный привет с большим удовольствием исполним вашу просьбу».

Посол Фауре Чомон. Так песня из рабочего украинского посольства попала на берег Карибского моря...

Прошло совсем немного времени, и во Дворце культуры ста-

ли приходиться письма с овеянного революционным ветром легендарного острова. Писали простые люди, те самые, которые добыли себе свободу и о которых сложил песню Иван Немченко. Они благодарили, они рассказывали о себе, они расширяли о том, как живут новые далекие друзья. Их много, этих концертов, на которых так удивительно читать слово «Счастье»...

Вот одно, наугад: «С большим приветом к вам — сторонник Советской страны! — Представляю себе, с какой энтузиазмом соберлись вы в Доме культуры ГРЭС и исполнили гимн о моей Родине. Я чувствую, как симпатизируете вы ей. Мы, кубин-

цы, очень радуемся прогрессу вашей страны. Это мы объясняем тем, что у вас большая сплоченность. Иначе за такой короткий срок вы не смогли бы так высоко подняться».

Очень люблю музыку. Я учитель, кроме того, играю на флейте. Я не очень хороший музыкант, но постараюсь сыграть этот марш. ...Большой привет всем, кто посещает Дом культуры ГРЭС, силе больше спасибо за то, что сочинили такую хорошую патристическую песню для Кубы. С большим приветом еще один ваш кубинский друг

Алебардо Кастельяно, Сантьяго де Куба, Эстрада Пальма, 919.

А потом революционный марш «Куба либре!» — «Свободная Куба!» — был передан Всесоюзным радио на тридцать стран мира. Вы думаете, Иван Немченко наконец-то успокоился? Ничего подобного. Недавно он закончил слова и мелодию другой песни о Кубе, уже лирической. И посвятил ее Фиделю Кастро.

Пройдет немного времени, и ее запустят в минуту отъезда негр, с лицом коринфским, как кофейное зерно, или стройная кубинка, одетая в форму народной милиции. Они будут петь эту ласковую песню о своем острове, может быть, даже не зная, откуда она и кто ее содал. Но разве это так уж важно!

50

друзей

Мила гудит — выключает свет.
 Да что тебе, зачем от света?

0 бязательно побывайте в доме шесть по улице Ленина, — говорили мне многие.

И я пошла. Дом как дом, ничем не отличается от других зданий поселка. Трахтальный, с балконами, выкрашенный светлой краской. Но, когда я зашла во двор, увидела, что поспешила с выводами. Тут на каждом шагу меня подстерегало необычное. И аккурратные плакаты на стенах: «Цветы — это улыбка природы. Они согревают вашу душу и радуют сердце», «Цветы облагораживают человека, пробуждая в нем чувство прекрасного». И тщательно разбитые газоны, заботливо подстриженные кусты, чисто выметенные дорожки, красиво оформленные клумбы. И детская площадка со всевозможными развлекательными приспособлениями. И стеногазета, выпускаемая советом дома.

...Мы сидим с Лидией Арсентьевой Соболевой, членом совета, в легкой, ажурной беседе. У нее приветливое полное лицо, мягкий, неторопливый говор. Она очень похожа на киноактрису Телегину, вернее, на ее героиню — протист и энергичных женщин.

— Это произошло несколько лет назад, — рассказывает Лидия Арсентьевна, вытирая мокрые руки о фартук: я оторвала ее от каких-то хозяйственных дел... Услышавши мы, что в Луганске жильцы дома завода имени Октябрьской революции решили бороться за коммунистический быт. Подумали: а почему бы и нам не последовать их примеру? Сvezдила я в Луганск, поговорила с людьми, прикинула, что мы можем сделать у себя. Приехала, рассказавла своим. И решили мы вступить в соревнование. А вот недавно нам, первым в поселке, было присвоено звание — дом коммунистического быта.

Лидия Арсентьевна говорит охотно, но скупо. Что, мол, особенного? Но даже за эти коротенькие, нехитрые фразы видны люди, поселившиеся здесь, их образ жизни, их образ мысли.

...Приходит человек после смены. И, наскоро

Эта газета пользуется большой популярностью.

Что может быть вкуснее приготовленного собственными руками!

перекрестку, берет лопату, грабли, лилу или ведро и идет во двор: он хочет, чтобы это был самый зеленый, самый удобный двор в поселке.

Приходит человек после работы. И, немного отдохнув, расстилает перед собой кусок ватмана и начинает оформлять стеногазету: все жильцы должны знать, что без отрыва от производства успешно закончил десятый класс Валерий Коршун; всем еще раз надо напомнить о том, что предостит сделать по озеленению... В доме № 6 по улице Ленина живут энергетики. 14 отдельных квартир. 56 жильцов. Это не соседи, старающиеся в лучшем случае мирно сосуществовать. Это друзья. Каждому свое дело до другого.

Один из пунктов обязательства гласит: выручка и взаимопомощи! Это выполняется неукоснительно. Если вы зайдете в подвал дома, вас удивит огромным количеством банок с соевыми, маринадами, вареньем. Каждую осень рачительные хозяева делают запасы на год.

И вот однажды, в самый разгар заготовок продуктов впрок, как обычно пишется в кингах о вкусной и здоровой пище, Лидия Арсен-

тьевна вынуждена была срочно выехать в Москву. Пробыла она там долго. А когда вернулась и с довольно грустным настроением заглянула в подвал, была поражена, увидев на том самом месте, где обычно стояли ее припасы, поблескивающие круглыми яркими банками аккурратно упакованные банки: сосиски позаботились, чтобы у Лидии Арсентьевны все было, как у других.

Надо матери отлучиться куда-нибудь, а малыше не с кем оставить. Что может быть сложнее этого? Здесь такой проблемы нет. Стучись в любую квартиру, и с твоим ребенком будут нянчиться хоть целый день!

Все делают вместе жильцы этого дома: и благоустривают двор, и изучают Программу партии, и отдыхают, и обсуждают, как бы поскорее открыть на общественных началах прачечную и кухню, и даже лируют. Особенно торжественно бывает у них 9 мая, в День Победы. Во двор выносятся столы, стулья, посуда. И вот уже 56 человек, 56 друзей, маленьких и больших, поднимают рюмки — кто с вином, а кто с фруктовой водой — за этот такной большой и такой светлый человеческий праздник.

РАЗГОВОР В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

У человека был день рождения. Всегда чувствуешь себя неловко, узнав об этом случайно. Мне ничего было подарить своему новому знакомому. И я вдруг сказала:

— Вы знаете, вчера в один при-
сест, не отрываясь, прочла вашу
песню...

Это было неожиданно для меня самой. Не хотелось именно с этого начинать нашу беседу. Я думала этим закончить ее. Но, когда увидела, как отгнали насто-

роженные карие глаза под стеклами массивных очков, как похорошело художеское бледное лицо от быстрой широкой улыбки, не пожалела, что не получилось у нас того восторженного творческого разговора с анализом достоинств и недостатков произведения, на который я нацеливалась.

— Спасибо.— сказал он просто.— У меня еще никогда не было такого замечательного дня рождения...

Станислав Дышко в компании со своими героями.

Станислав ДЫШКО

РАСКАЗ

НА РЕКЕ

Низкое, изорванное небо пылало куда-то мимо запотевших окон. Река за стеной шумела и шумела, наводя тоску и злость. Раскаленная печка и маленький приемник старались перетрещать друг друга.

Сергей курит, пытаясь сквозоз треск уловить далекую музыку. Мелодию извomorphic надо разобрать. Сергей повернул ручку настройки. Где-то неистовствовала джаз. Странно было слышать саксофонные вздохи в этой похороненной избе. И вообще все здесь было странно, даже жутко. Река. Остров. Изба. Не было мира. Ничего не было.

В сентяе хлопнула дверь. Это пришла дед. Сейчас он расположится у печки, раскурит свою огромную трубку, посадит на колени черного и старого, как он сам, kota и начнет читать газеты. Старый чувак ударился в политику. А зачем ему политика на этом необитаемом острове? В Сергее, уже который раз за эти дни, никак закипать злость. Какой дурак придумал навестить родственников и делать вид, будто ты безумно счастливы видеть их?

А в Москве ребята спешат использовать последние теплые дни. Бродят по бульварам. Заглядывают с девочками. И стоят в очередях за билетиками на джаз.
В Москве у Сергея теплая квартира с натертыми до блеска полами, с красивой мамой, дочерью этого старика. В Москве — Галя, которая каждый день толпает к нему по лестнице на своих тоненьких туфельках...
Дед звался Иван, ворчит:

— Погода...

Сергей молчит.

А дед раскуривает трубку, садится у печки, раскрывает дверцу и сует туда поменя с жалтыми мутными слезами засыпавшей смолы. Потом сажает к себе на колени черного кота, берет газеты и исподтишка наблюдает за Сергеем.

Дед прожил на этой реке всю свою жизнь. Каждый вечер он зажигает бакеи и каждое утро гасит их.
Сергей попытался представить себя на его месте и не смог.
Чем он жив, этот дед? Что ему надо было от жизни?

— Тоскуешь? — Дед смотрит на Сергея, прищурившись, с усмешкой.
— Нет, мне ничего весело здесь! — зло говорит Сергей.— А ты знаешь, что есть на свете тaylor город? — Москва?

— Самхал.

Дед щиплет бороду и не спускает с Сергея глаз.

— А Ленинград?

— Самхал.

— А Париж?

— Самхал.

— Ну, я видел ты хоть один из них?

— А вот в соседнюю деревню джентри тробуется...

Дед говорит, тщательно подыскивая слова. Он грамотный. Он читает газеты и слушает последние известия.

— Прощай бы ты, дед, по Невскому, где Александр Сергеевич гулял...

— Пупкин в деревне тоже жил! — авторитетно заявляет дед. Он долго молчит, глядя в раскрытую печь, потом доверчиво просит:

— Ты расскажи-ка мне про города...

И вдруг начинает кашлять. Кашляет долго, и лицо его из бронзового становится красным.

— Простыл маленько. Что-то меня знобит.

Дед кутается в шпонаную телогрейку и опять начинает кашлять.

— Расскажи-ка мне про города... — снова просит он.

Сергей начинает думать, что бы рассказать деду, и ничего не придумывает. Города как города. Улицы, дома, кинотеатры. Вот и все.

Дед тяжело поднимается, долго роется в стеллаже, обитом некрашенными досками. Наконец, достает старый, замусоленный альбом — целую серию открыток с видами Москвы.

— Собор Василия Блаженного! — со значительностью говорит он. — Интересно мне узнать, как там внутри.

— А я внутри не был. Я инженер-кладчик.

Дед вздыхает и молча перелистывает серые страницы.

А Сергей снова начинает злиться.

— Да разве в соборе дело! Жить надо по-человечески, а ты, дед, как в тюрьме. Света не видишь! В общем, вот что: уезжайте я завтра. Народом мне. Хотите — приезжайте в Москву. Мама давно тебя зовет. В собор пойдешь...

Река вдруг загудела, и в окнах забрежжал стекла.

— Чего они гудят, как сумасшедшие! Ты бы жалобу написал, что ли. Перепонки лопаются.

Дед всушился в гудки на реке, и губы его вытягиваются в едва заметной улыбке.

— Мне гудят,— говорит он.

Сергей подходит к окну. В стекла стучит дождь, а по реке медленно тунтуют тяжелые баржи.

Станиславу Дышко исполнилось двадцать три года.

А потом мы с ним говорили — в шумном, набитом музыкой и смехом белоколонном зале Дворца культуры, на притихших, утихших омерзевших из фонарей, вечерних лицах поселка, в шумном новеньком «Москвиче» семьи Дышко, увозящем меня из Счастья.

Это был разговор обо всем: о детстве и смысле жизни, об окружающих людях и еще незаконченной пьесе, о физическом труде и задачке литературы, о планах на будущее и любимых писателях...

Когда в его жизнь вошло творчество! Трудно сказать.

Может быть, это случилось в эвакуации, в те морозные сибирские вечера, когда мать, измученная многочасовой работой и страком за двух малышей, запертых на целый день в неуютной чужой комнате, быстро переступала порог, жабею прижимая сыновей к себе, и Славик (так его называла она) видел в ее темных, беспокойных глазах какой-то непонятный свет. Мать щедро и преданно любила искусство, особенно театр. Она не говорила об этом с сыновьями: малы еще, да и не время. Но, очевидно, такое передается без слов...

А может быть, это произошло гораздо позже, в Западной Белоруссии, когда Станислав заканчивал среднюю школу. Это был самый рядовой ученик: получал и тройки и четверки. Только большие друзья любили он читать — даже на уроках, спрятав книгу под парту. Только чаще других задумывался, пристально глядя не на доску, а в окно, где кто-то возмущенный и могучий менял зимний пейзаж на весенний, летний на осенний, как огромные декорации на огромной сцене. Только внимательней, чем другие, взглядывался он в мальчишек и девочек, что смеялись и грустили, спорили и любили рядом с ним.

Или это случилось тогда, когда Станислав впервые пришел в гудящий полупустый школьный зал и оттуда следил, как, став совсем неизвестными, жили на сцене чужой жизнью его товарищи, кезавившие ему до сих пор такими обыкновенными.

А потом наступил тот день, который запоминается на всю жизнь, как первая радость, как первое горе. День подлинного откровения, день познания самого себя. Он пришел к Станиславу, когда тому было восемнадцать лет. С тех пор парень уже не расставался с пером, бумагой и пишущей машинкой. С их помощью он рассказывал людям о

них самих. О том, о чем его порой забывают. О том, чего они порой не замечают в себе. Он любил писать о неприметном, на первый взгляд, человеке с яркой и щедрой душой, способном на большую жертву ради других. О человеке, красивом своими мыслями, своим сердцем, своими делами.

Он думал об этих людях, которым хотел служить, когда переехал в Счастье и, окончив школу, стал слесарить. Когда поступил рабочим сцены в Луганский драматический театр и с наслаждением адкал душноватый запах кулис. Когда промазгалми осенними днями бережно укладывал в землю телефонный кабель. Когда посылал из крошечного квадрата кинобуна слон света, в котором были человеческая радость и человеческая беда...

Он думал о людях. И он познания их.

Его корил за то, что он часто меняет работу. А ему хотелось все попробовать своими руками. Он был жадным человеком...

Первую пьесу Станислав принялся писать в стихах. Но потом понял, что ему тесно, как в обузженном пиджаке. И он начал все сначала, уже в прозе. Целую зиму, ночами, после работы, создавал он своих героев, удивлялся и радовался их поступкам. Вес-

ной Станислав отослал пьесу в Москву, в институт кинематографии.

Ответ и обрадовал и огорчил: написано талантливо, но чувствуется розовское влияние. Ну что ж, может, это и верно. Ведь Розов, как и Арбузов, — действительно его самые любимые драматурги...

И снова бессонные ночи, и снова жизнь жизнью других, что выходила из-под его пера. Каждому он отдавал свое сердце, свои нервы. Он знал и понимал их, как самых близких друзей. Он переживал их ошибки так, как если бы они были живыми людьми. Вместе с ними он любил, вместе с ними он погибал.

Станиславу не было и двадцать три года, когда он начал писать свою вторую пьесу — «Жизнь три товарища...» Это был рассказ о трех друзьях, о людях, которые их окружали, о суровых и исторических днях Великой Отечественной войны, о новом, послевоенном, поколении молодежи. Это был рассказ о мужнине человека, об изменении его характера в различных обстоятельствах, о бескорыстной любви и немногословной дружбе.

Писал Станислав быстро: пьеса уже давно созрела в сердце. И вдруг, когда было сделано больше половины, ему показалось,

— Мне гудят, — повторяет деа.

— Да что тебе, легче от этого?

— А мне и так не тяжело...

Деа смотрит на часы с мордой кота. Тот ритмично водит пожелтевшими глазами. Водит часо дня в день. Из года в год. Так же, как деа зажигает и гасит бакены.

— Я уезжаю завтра!

Деа тщательно причесывает альбом в сундук. Прививает к краю стола приемник, ложится на топчан и закрывает глаза.

У Сергея дома радиоконбайн. Обычно он слушает музыку полулежа. Галка сидит рядом, гладит его волосы.

Иногда Галка говорит:

— Кончуй институт и иду. Попрошу на край земли. Как ты думаешь, напишут обо мне в газете?

Но Сергей знает, что выкуда она не уедет. И сейчас Галка бродит где-нибудь в парке с ребятами.

Сергей в отчаянии смотрит на деа. Тот молчит. Он всегда молчит, когда выuku необходимо высказаться.

Рисунок А. НИКОЛАЕВОЙ.

что это не то, что все это неинтересно и примитивно.

Долго не брался он за рукопись, а когда, много времени спустя, прочел, понял, что был к себе слишком суров. В конце короткой срок пьеса была закончена. Но только после того, как все те, кто читал ее, в один голос одобрили, снова решился послать ее в ВГИК. Вскоре пришел быстрый ответ: пьеса прошла творческий конкурс, приезжайте сдавать экзамены. И он поехал.

Первый экзамен — рецензия на фильм «Коммунизм». Это было не трудно. Но вот второй — сценарийной этюда. Четыре часа проведен он в аудитории над чистым листом бумаги, потом встал и вышел. За ним, взволнованная, выбежала девушка из приемной комиссии.

— Куда же вы! Что с вами?
— Ничего не получается.
— Напишите хоть что-нибудь, и обязательно примут. Ваша пьеса так всем понравилась!
— Но он уже не вернулся в аудиторию. Он не мог писать по эдакой теме, он не мог и не хотел писать о том, чего не выстрадал.

И снова — Стася. Снова — работа. Снова — вечера над заваленным стурбамми бумагами письменным столом.

За пять лет Станислав написал шесть пьес. Одну ему удались

больше, другие меньше. Но в каждой есть и психологизм, и страстность, и искренность. О чем бы он ни писал — о настоящем или о прошлом, о людях, которые рядом с ним, или о тех, кого он никогда не видел, — всегда в его пьесах собственное осмысление фактов, поступков, характеров.

Вспомню Станислав пишет рассказы. Очень разные и по теме и по исполнению. Но если во всех его пьесах здоровое начало, неподдельный оптимизм, неколебимая вера в хорошие, то в некоторых рассказах встречаются и надвья и пессимизм.

Отчего это? От молодости ли? От чрезмерной чувствительности ко всему плохому? Оттого ли, что рассказы весьма и весьма трудный жанр литературы? Или оттого, что Станиславом никто не руководит? Пока нелегко ответить на эти вопросы. Но отчего бы это ни было, это пройдет.

Жизнь и время профильтруют талант Станислава Дышко, смоят все лишнее, все наносное, оставив только то, что нужно людям. Одианды Станислав написал:

Ветер, рывсь, заваляв,
Ветер, глоссь,
убывая, лавная,
Ветер, причь —

вздох —
Ветер,
в плачь —
в плачь —
в плачь —
в плачь —

Он пройдет через все трудности. Он найдет, непременно найдет то, что ищет каждый, — свое место в жизни. Не для удобства, не для покоя. Для того, чтобы принести людям радость. Ведь он упрямый, этот человек, с которым я познакомился в день его рождения.

Вот и все о поселке, который можно найти только на очень подробной карте. Мне было грустно увидеть оттуда. Мне грустно заканчивать о нем свой рассказ. Словно прошедшая с таким интересом, таким понятием человеком. И не знаешь, встретишь ли его снова.

И еще одно неожиданное чувство испытываю я — чувство вина перед этим поселком, перед людьми, живущими в нем. Я думала, что еду в глухое место, где нет ни минимума удобства, где жизнь скучна и однообразна.

А увидела настоящий городок, в котором есть Дворец культуры с филармонией детской музыкальной школы и большим количеством разнообразнейших кружков, боль-

ница и поликлиника, оборудованные по последнему слову медицинской науки, десятилетия, школа-интернат, библиотеки, детские сады, ателье мод, телевизионная мастерская, столовые, парикмахерские...

Городок, в домах которого газ, ванны, горячая и холодная вода. Улицы которого утопают в цветах, высеванных на воскресниках и субботниках.

В котором на общественных началах регулярно работают университет здоровья, комитет охраны природы, женсовет.

Покор который охраняют дружинники и комсомольский патруль.

Но главное — я убедилась, что люди живут здесь такой же внутренней богатой, по-хорошему спокойной жизнью, как и в крупных городах. Хотя многого у них нет. Например, своего театра, своего стадиона, которые находятся пока в области мечты.

Больше людей из маленького поселка с таким поэтическим, радостным именем... А вы знаете, оно уместно? Потому что счастливых здесь — большинство.

Не вернет! Поезжайте туда и вы убедитесь сами. До Счастья поездам, а тем более самолетом, совсем недалеко.

Поселок Счастье.
Верхне-Тепловский район,
Луганская область.

Сергей, хлопнув дверью, выходит на крыльцо. Гуськовая плешевая дождя окружает остров. Сергей приближается к двери. Закуривает. Снова протяжно загудела река. Идут, без конца идут баржи. Но зачем гудеть? Разве нельзя спокойно пройти мимо острова?

...В парке Горького сейчас плывут лодки Ребята с Галкой доубрались. Они знают, что такое настоящая река, что такое баржа... А река шумит, волны набегают на остров, пытаются скрыть его под своей синевой.

В Москве мальчишки сошлются по улицам и жауются на туску. Пьяносы, они не знают, что такое настоящая тоска! Сергей возмущенно сердится. Скоро будет совсем темно, и дед зажжет на реке два своих маленьких солнца. Два маленьких солнца на большой реке...

Сергей заходит в избу. Дед что-то говорит, очевидно, но не слышит. Сергей торжествует его:

— Вставай, река по тебе плачет.
Дед кряхтит.
Сергей зажигает керосиновую лампу.
Дед весь красный и потный. Он открывает глаза и тяжело садится на топчанин.

— Хуао мне, — говорит он, не глядя на Сергея. Потом молча одевается и выходит из избы.

Упрямый старик. Ничего не случится с рекой, если она отдохнет одну ночь от этих назойливых гудков. Но почему он ничего не сказал Сергею? Почему ни о чем не спросила его? Сергей крутит привокзальный струс, ожидая избу, заглушая шум реки. Потом он начинает читать газету, свистит, поет. Наконец, не выдерживая и выскакивает на улицу. Дождь безжалостно хлещет его по щекам. Сергей выдыхается в темноту, но ничего не видит. Упрямый старик, эти баржи могли бы подождать до утра! А если дед не вернется!

Страх начинает подбираться к острову и выплывает собой все вокруг. Где же эти красивые оны? Дед уже давно должен быть там. Почему он не зажигает бакены?

А дождь брызжет мелкими колокольными иголками, и Сергей чувствует, что окончательно замерзает. Он оборачивается. Неба дед смотрит на него двумя желтыми глазами. В них плывают какие-то тени. А если лампа погаснет? Тогда остров окутается мглой...

Ах, дед, зажги бы ты свои солнца!
Сергей идет с остреванными глазами с собой одеждку, и дождь выбрасывает на него новые слои. Убегать, убежать с острова! Только бы не видеть этих плавающих оны!

Сергей бросается в воду и чувствует, как что-то ледяное скрежет его тело и отбрасывает дышание. Он начинает усиленно работать руками. Плыть назад, не зная, куда.

И вдруг где-то далеко мелькает красивые огоньки. Это дед! Может быть, он уже на острове. Но попорубь найдя его теперь, этот остров...

И Сергей продолжает плыть навстречу двум маленьким ночным солнам. Там бы добраться до них! Там бы не знает, что будет потом.

Но ему просто необходимо добраться до них. Иначе пропало все: Москва, Гаака... Пропала жизнь.

Что-то был Сергей по толпе. Ему кажется, что он начинает терять сознание. Последним усилием он вырывается из воды ручья, пытаясь за что-нибудь ухватиться.

...Его не удивляет, почему здесь, в самом центре реки, стоит лодка. Так должно быть. Он забирется в нее. И прямо перед собой видит красный огонек бакена.

Вот он, этот огонь, к которому он плава, который жаждет для него дед! Где же он сам?

Только сейчас Сергей увидел, что старик лежал в лодке и что-то кричал. Рядом валялся фонарь. Дед бредит.

Сергей отбросил от бакена лодку и стал часто-часто грести. Огоньки удалялись медленно, нохотили...

Как далеко! Неужели он, Сергей, мог проплыть такое расстояние? Да ему никто не поверит!

А дед не приходил в себя.
Сергей вытаскивает лодку на песок. На острове по-прежнему хлестала дождь. Снова стало жутко.

Сергей закричал:
— Дед! Дед!

И вдруг в весь этот ночной хаос ворвался пронзительный гудок. Где-то в центре реки плали яркие белые огни.

А старик ничего не видел и не слышал.
Дед! — кричала Сергей. — Слышьши, гудай!

Тот отороп бормотал:
— Тогда Сергей схватил фонарь и в отчаянии стал махать им над головой.

— Эй, на катер! — кричала он. Но голос его утасал где-то совсем рядом с ним.

И вдруг огни на реке остановились. Остановились река. А Сергей все кричал и махал фонарем.

Он кричал до тех пор, пока перед ним не выросли три фигуры. Тогда он бесбашно опустил на песок. Вытнуи у него что-то взорвалось, и рыдания сотрлсли его морком, змегавшие тело. Он не мог остановиться из. Он не был властен над собой. Он рыдал громко, задыхаясь.

И когда все покинула остров, он еще сидел под дождем и вздрагивал. Он смотрел на два красных огонька в ночи и, всхлиывая, бессвязно бормотал:

— Что они там понимают?.. Настоящий дождь... Он не видел настоящего дождя!

Река вдруг снова загудела. Она жила. Это дед дал ей жизнь. И река бодорилась ей.

Белые огни проплывали мимо острова, и два маленьких солнца освещали им путь.

Речь гудала. Она не знала, что дед уезжал с острова. Она гудела ему. А может быть...

Сергей подобрал свою мокрую одеждку и медленно пошел к избе.

п. Счастье, октябрь 1961 г.

ВУЛКАНЫ И ЛЮДИ

Когда речь заходит о вулканических извержениях, в воображении возникают образы знаменитой картины Брюллова «Последний день Помпеи», изображающей трагедию во время извержения Везувия в 79 году н. э. Там же, на катастрофу разлившейся и на острове Мартиника в 1902 году, когда туча горячих газов вулкана Мон-Пеле в течение нескольких мгновенных секунд город Сен-Пьер с тридцатью тысячами жителей.

Но не только катастрофами и бедствиями грозят вулканы. С ними связано образование многих полезных ископаемых: серы, лунгиты, борной кислоты (в горячих источниках), строительных материалов. Вулканический пар используется в некоторых странах для выработки электроэнергии и отопления жилищ и теплиц. Геологическая разведка для промышленного использования вулканического тепла ведется и в нашей стране, на Камчатке.

Огромна роль вулканов и в раскрытии геологической истории нашей планеты, Кавказа и Карпаты, Казахстана и Забайкалья, Средней Азии и Чукотки — это все работы могучего древнего вулканизма. Медные месторождения Урала, алмазы Сибири, полиметаллические руды Алтая и Приморья так или иначе связаны с деятельностью вулканов, с рождением и эволюцией в земной коре магмы — огненно-жидко-

Е. МАРХИНИН,

кандидат геолого-минералогических наук
начальник Камчатской
вулканологической станции

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА,

специального корреспондента «Смены»

Еще один шаг, и «встреча с дьяволом» неминуема.

На привале у подножия
Ключевского вулкана.

го наменного расплава, насыщенного газами. Деятельность вулканов очень разнообразна и изменчива. Обли, как, например, вулкан Толбачики на Камчатке, периодически изливают на поверхность земли длинные потоки лавы. Другие время от времени сильнейшими взрывами выбрасывают из глубин земли миллионы тонн раскаленных камней и наменной пыли. Это характерно для вулканов Шивелуч и Безымянного. Третий ограничивается интенсивным выделением газов. Таков вулкан Эбено на острове Парамушир (Курильские острова). На его склонах — сотни газовых струй (фумарол) и горячих источников, а кратер наполнен горячим озером. Любопытно, что одна только небольшая речка Юрьева, которая стечет с вулкана Эбено и питается горячими иллуками, выносит

Кандидат геолого-минералогических наук
Г. С. Горшков фиксирует на киноплёнку выходы вулканических газов.

в море каждую сутки 35 тонн растворенного железа. Пары и газы фумарол вулкана Эбено насыщены свинцом, цинком, серебром. Чтобы понять, как образовались когда-то магматические горные породы и связанные с ними месторождения руд и с большим успехом искать их, надо знать, как протекают вулканические явления в настоящее время, их масштаб и характер, закономерности изменения состава извергаемых вулканам газ, глубинное строение вулканов. Для изучения современных вулканов в 1935 году по инициативе академика Франца Юльевича Левинсона-Лессинга на Камчатке, а после Илочи, у подножия знаменитой Изауческой сопки была создана вулканологическая станция. В этом году в связи со 100-лет-

ен со дня рождения ее основателя станции было присвоено имя академика Ф. Ю. Левинсона-Лессинга.

Исследования камчатских вулканов приходится преодолевать много трудностей и опасностей.

Дрейф на лавовом потоке

В ночь на 7 февраля 1938 года на восточном склоне Ключевского вулкана прорвался побочный кратер Виловая. Впервые был слышен шум у этого кратера, образовывался шум из вулканического шлама, боба, песка и пепла. Извержения сопровождалось подземными толчками и страшным грохотом. Позднее на

ступил на раскаленную лаву, Шаг, другой — и он очутился на пылующей горной лаве. За ним последовал и Иванов со своей походной лабораторией. Горячие потоки воздуха с небольшой концентрацией хлористого водорода, исходящие от поверхности раскаленной лавы, быстро уносились холодным северо-западным ветром.

Заметив время и место «высадки», они приступили к исследовательской работе. Пробив мелкую лаву у края темной коры, ученые погружили в отверстие термометр. Стрелка гальванометра быстро сползнула по шкале до деления 400 градусов, а затем медленно поползла дальше, к 870 градусам. С получением проб тая спрессов, показались долаше. Нескоро проб был неудачным. Каждый раз накрытый верховой пухом попался в другом месте и газы уходили в воздух. Наконец через асбес-

сами, как Ключевская (4850 м), Кавьяк (4385 м), Плиский (4168 м), Толбачинский (3862 м), Безымянный (высота от вершины до основания всего 3985 метров. Да и тому же он считался потухшим).

Но вот в октябре 1955 году Безымянный огила, предупредив о возобновлении своей деятельности. Работы землетрясений. Однако этого была лишь предлодия, проба сил. 30 марта 1956 года колоссальная взрывная сила, сопоставимая со взрывом атомных бомб, потряс окрестности. Чрезвычайно пеллола туза доинициала. В результате взрыва, который от оседающего пепла в близлежащих поселках стало невозможно дышать, возникла огромная ошала оказалась взорванной. Образовался огромный кратер диаметром около километра, имеющий форму эллипса. В центре кратера, в одной из пастей извергались сотни миллионов кубических метров раскаленного воздуха, пепла и гравия. Под влиянием тумана и снега, превращаясь в пар. Потопи воды и гравия, несли в своем движении раскаленные камни и вулканы в речку Хапцу и оттуда в реку Камчатку.

В центре кратера начала расти раскаленная лавовая гора — купол, который вскоре достиг высоты нескольких сот метров. Это было катастрофическое извержение, камне на нашей планете случаются не так уж часто — раз в десяти лет. Но, к счастью, все обошлось благополучно. Никто не пострадал. А вышедший пепел позволил удобрить поля. В окрестностях было уранной ошей в окрестностях было оседающего вени. Это случилось пять лет тому назад.

В ночь на 26 марта нынешнего года снова начался извержение Безымянного. В выбросе пепла и туз раскаленных камней и гравия. 30 марта экспедиционные рабочие Николай Иноземцевич и шаг Удачкин вместе с геологом лаборант Юра Дубин и в подошли к подошву вулкана. На следующий день мы направились и назад.

Впереди уже видны горячие газовые струи. В некоторых местах, более холодных, в выбросе агрегативными потоком старт пар. Над сухими, наиболее горячими участками колеблется толстый горячий воздух. Путь наш усеян большими горячими камнями. Ноги вжуют по жару в горячий песок. Извержение, на глубине 15—20 сантиметров от поверхности температура 250 градусов. Горячая пыль вилал, газам. Выдернись ногу — из шледа брызгает газ. Ногам очень горячо. От чиха-то слопт уст по лавы. Слой лавы, особенно на таких участках на одном месте трудно. Но идти все же можно.

Погода, не баловаяшая нас с утра, по мере приближения и цвет становилась все хужие и хужие. Пронизывающий ветер свивался в холодный метель, купол закрыло. В кратере совсем ничего не видно. А нам необходимо нам глядеть вперед. Чем дальше идем, кажется, где-то совсем близко лавин раскаленных камней. Шаг еще пеллола. Слой лавы, особенно на таких участках на одном месте трудно. Но идти все же можно.

Погода, не баловаяшая нас с утра, по мере приближения и цвет становилась все хужие и хужие. Пронизывающий ветер свивался в холодный метель, купол закрыло. В кратере совсем ничего не видно. А нам необходимо нам глядеть вперед. Чем дальше идем, кажется, где-то совсем близко лавин раскаленных камней. Шаг еще пеллола. Слой лавы, особенно на таких участках на одном месте трудно. Но идти все же можно.

Снег падает на горячие камни и шпикат, как масло на горячей сковороде. Оноло одного из таких камней мы останавливаемся. Идти дальше слишком уж рисковано. Там более, что приходится идти «атемную». Выбираем одну из струй, пробивающуюся излов кавыч в среднем температуру. Труть прыг поднимается до 400 градусов. А дальше медленно: 450—400—300 градусов. Ступни стобли еще ползет вверх, но это уже за шкалой термометра. Выходим в свет, чтобы не лопнуть, с осторожностью опускаем в футляр на уда. Раздается треск термометр разбит — слишком холодно

Снег падает на горячие камни и шпикат, как масло на горячей сковороде. Оноло одного из таких камней мы останавливаемся. Идти дальше слишком уж рисковано. Там более, что приходится идти «атемную». Выбираем одну из струй, пробивающуюся излов кавыч в среднем температуру. Труть прыг поднимается до 400 градусов. А дальше медленно: 450—400—300 градусов. Ступни стобли еще ползет вверх, но это уже за шкалой термометра. Выходим в свет, чтобы не лопнуть, с осторожностью опускаем в футляр на уда. Раздается треск термометр разбит — слишком холодно

Снег падает на горячие камни и шпикат, как масло на горячей сковороде. Оноло одного из таких камней мы останавливаемся. Идти дальше слишком уж рисковано. Там более, что приходится идти «атемную». Выбираем одну из струй, пробивающуюся излов кавыч в среднем температуру. Труть прыг поднимается до 400 градусов. А дальше медленно: 450—400—300 градусов. Ступни стобли еще ползет вверх, но это уже за шкалой термометра. Выходим в свет, чтобы не лопнуть, с осторожностью опускаем в футляр на уда. Раздается треск термометр разбит — слишком холодно

За разработкой топографической карты вулкана Эбеко.

скалне выросшего монука образовалось жарло, из которого начали вытекать потоки раскаленной лавы. Из жерла лава изливалась с характерными чавкающими звуками и делалась со скоростью более 44 метров в минуту. Так она текла 250—300 метров. В 600—650 метрах от истока поверхность раскаленного потока искривалась темной, разбрасываясь шлановой коркой толщиной в 30—40 сантиметров с остриженными полуметровыми выступами. Шлановую корку обривала кайма расплавленной лавы. Корка двигалась вместе с потоком. С ее поверхности интенсивно поднимались струи газа.

И вот в лавовую потоку подошли двое ученых — геолог В. Ф. Попков и химик И. З. Иванов. Они должны были провести исследования лавы. От края пылующей корки их отделяла двухметровая полоса светящейся красноватого цвета лавы. Ее можно было легко проткнуть металлическими стержнями, чтобы погрузить туда конец термометра для измерения температуры лавы. Однако от этой попытки ученым пришлось отказаться: поток мог поплыть товарищам, а идти и держать прибор в руках было трудно. Тем не менее измерять температуру лавы было необходимо. Кроме того, следовало сделать пробу газа из раскаленной лавы. И исследователи решились на отчаянный шаг: переступить через раскаленную кайму на темную корку.

Они бросили большую глыбу на раскаленную докрасна кайму и убедились, что лава достаточно прочна, чтобы выдержать человека. Тогда Виктор Федорович Попков, обутый в асбестовую обувь, опирался на руку товарища,

товою вершину с фарфоровой трубкой ни удалось прососать несколько литров газа.

Собрать образцы лавы с горячего потока было еще труднее. Тонким пластинчатым лотком отделился от общей массы, но перевести их на поверхность корки было нелегко, так как отпавший кусок быстро сплавился с поверхностью потока.

Самое сложное и трудное всего было устоять на горячей движущейся корке. Температура поверхности была 270—300 градусов. Опасность окружала исследователей. Ни на раз прикоснувшись к угловатым выступам, чтобы ухватиться, можно было упасть, а в асбестовые ботинки. Даже листвова асбест, подставленный под ноги, не спасал от жары, и учеными приходилось стоять, подобно анклам, на одной ноге, пока другая остывала на ветру.

Дрейф на лаве продолжался один час. Более двух километров проплыли на ней отважные исследователи и благополучно сошли на землю.

Маршрут к маленькому аду

Вулкан Безымянный. Какое странное и безликое название! Но именно оно несколько лет назад облетело весь мир, стало известно не только вулканистам, но и просто любознательным людям. В могучей семье вулканов Ключевской группы, которая является, пожалуй, самой величественной, самой грандиозной на земном шаре, рядом с такими колос-

РОССИИ СВЕТОЕ ДЫХАНИЕ

Владимир КОСТРОВ

ПРОСТЫЕ ПАРНИ

Простые парни,
ох, как не прости!
Им по плечам
фуфаячки на вате,
им по рукам
железные мосты,
им — по ночам
железные кровати,
на кулаках просатривают сны;
в горы далекие
делают карьеры,
как сестры милосердные, нежны,
непримиримы,
словно Робеспьеры.
На черном хлебе,
да,
на честном хлебе
они росли —
и будут жить в веках!
И потому летает спутник в небе,
что у таких мозоли на руках.

И чувствуют они
спинной своей
инерцию электровазнов грузов,
давление межпланетных кораблей
и хозрасчеты
райпотребсоюзов,
ругаются с проробом горячо
и льют чужую
в горячую оплоку.

Поз,
художник —
подставляет плечо,
им тяжело:
они несут злоху!

МАШЕНЬКА

Да, я уже встречал тебя в веках,
в светляках
и среди бестящих залов,
там,
где венгерки красные гусаров
жар-птицами пылали на балах.
И помню:
ты стояла там одна,
одна
среди сверкающих нарядов,
от пошлых шепотков
и липких взглядов
романтикой большой защищена.
Стояла,
ненавидя и любя,
и наше время
было близко,
близко.
И ты была невестой декабриста,
и я тогда боялся за тебя.
И снова наше время было близко,
когда чачоточный,
пылая и грозя,
в тьме,
как мир, огромные глаза
смотрел и жертвы требовал
Белинский!
И худенькая,
с тонкими локтями —
упрямый взгляд
и твердо сжатый рот —

над бородами,
ликами,
лаптями
учительница земская встает!
И страшно и смелая
и думал! страшно,
когда тебя в Сибирь вели под стражей...
Я становился стар
и снова молодой,
и в час иной
уже в ином краю
под кожанками первых комсомолок
я Машенькино сердце узнаю.
Когда перед собой ответ держу —
как выглядит
святая правда наша,—
я про себя шепну тихонько:
«Маша».
И этим я, наверно,
все скажу.
Как мало мы ей руки целовали
за все, что есть,
за все, что вдалеке...
А девушка в прозрачном целлофане
на каблучках
проходит по Москве!

ОСЕНЬ

И блохи бесчинствуют в садах,
в лесах красно от зарева малины,
как головешки черные, в прудах
стоят ширококожрые налимки.
И, надеясь впасть перед зимой,
солж,
в тайге медведь проходит грузиний.
Росою напоенный шар земной
поутру дышит запахом арбузным.
Не удивляйся,
если среди дня
пчела привьется
к бешеному чубу.
И рвется, рвется
сердце из меня
к еще и не осознанному чуду:
где красноперки взходят в невода,
олени до конца не отрубилы,
гле, как металл, упругая вода
расколота на лепестках турбины
и так тверда,
что сможет вбить и гвозди,
так холодна,
что ею не налитьсь,
где к самым звездам
огненные птицы
уходят из своих железных гнезд.

ЗИМА

Я узнаю зимы российский признаки
в дыхании московских январей.
Вот белые причудливые призраки
выходят из автобусных дверей,
вот
верещит под каблуком снежок,
влетаясь в челоуечь разговоры,
и каждый вздох
и девичий смехок
не стеклах превращается в узоры.
Морозное дыхание страны.
Над шляпами и над воротниками
колечки пара белого видны,
как будто люди дышат облаками.

А что ж?
Нам облака не рубежи!
Могут и прам
стальной хребет Урала.
И светлое дыхание души
не ярче ли сияния урана!
Зима моя,
по горлоу иди
в невестинном хрустящем одеянье,
и пусть России светлое дыхание
поднимется
до Млечного Пути!

СТРОИТЕЛЯМ БРАТСКОЙ ГЭС

Нет,
не по приказу высшей власти
вы пришли сюда издалека:
вам сердца велели рваться к счастью
через горы
и через века.
Всходит солнце,
искры высекая,
желтыми лучами шевеля.
Вон она, гористая какава,
трудная и травная земля.
Парни,
вы с землей во многом схожи,
труд ее
на вас поделан труд.
Лавя под землей
и кровя под кожей
тоже ярко-красные текут.
Иногда огонь подступит к горлу,
происходит чудо из чудес —
рушатся и возникают горы,
люди вырастают до небес.
Бей, волноенье!
Властвуй, вдохновенье!
И мечта,
лети через века.
Нет!
Не по чьему-то повелению
вы пришли сюда издалека.

БРЕСТ

Здесь шершавые стены,
разбитые рамы,
словно близкие стоны
и свежие раны.

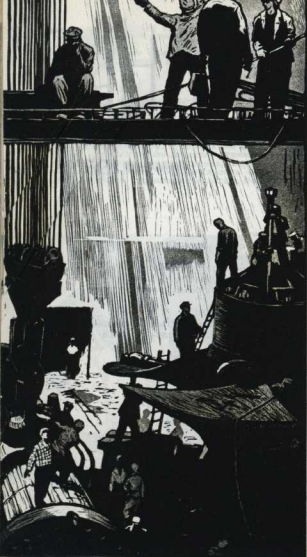
А в глухих коридорах,
слепых казематах
и сегодня звучат
голоса автоматов.

Продолжается бой
не для славы и блеска.
Как застывшая боль —
камень крепости Брестской.

Но поближе парни
под землю не заперты.
Слышу их голоса:
«Ну как там, на Западе!»

На велосом ветру
погрусневший невольник,
я нелегально совру —
«Все, ребята, спойноно».

С ВСЕСОЮЗНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ 1961 ГОДА

ПАНФИЛОВ В.
«НА МОНТАЖНОЙ ПЛОЩАДКЕ».
(Из серии «На стройках семилетки»)

Уже стало традицией устраивать в Москве, в Центральном выставочном зале, всесоюзные художественные выставки.

В этом году выставка посвящена XXII съезду нашей партии. На ней представлены произведения художников всех национальных республик.

Сегодня мы публикуем несколько картин молодых мастеров — участников Всесоюзной художественной выставки 1961 года.

АМАНГЕЛЬДИЕВ А. «КОВРОВЩИЦЫ».

КОПИЛОВА И. И.

СНЕГИРЕВ А. «В АРКТИКЕ».

КАТЯ, КАЖЕНАЯ! РАБОТАТЬ, КАК ЖЕНА! ВЫРОСЛА, КАК ЖЕНА!

СОБЛАЗН ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Грудям писем лежат на редакционном столе. Их уже несколько сотен. А почтальон приносит все новые и новые пакеты. Пишут люди разных возрастов и профессий, пишут от своего имени и по поручению целых коллективов. Под некоторыми письмами стоит подпись сразу 20, 30 и даже 40 человек. И в каждом конверте — слова гордости и печали, восхищения и гнева, уважения и нежности.

Этот огромный поток писем, эту удивительно по силе волну чувств вызвали опубликованные в «Мете» № 18 отзывы из двенадцати Женей Григорьевых, руководителей бригад коммунистического труда монтажников-электрификаторов магистралей Москва — Иркутск, а также письмо его товарищей по работе, сообщивших о трагической гибели Жени от рук бандитов на станции Пегуухов Омской железной дороги.

Простой и скромный парень из электромонтажного поезда № 708 Жена Григорьев стал близок и дорог бригадир шхертер М. Алексееву из Ростовской области и краповицку Н. Сухареву из г. Иркутска. Спутником Литовскому из г. Поронайска на Сахалине и трактористу В. Шекунину из Убюнской СР, учительнице Н. Отависки из Целинного края и водителю троллейбуса Ф. Гомежу из Москвы, врачу-хирургу Горьковской областной больницы имени Семашко В. Голубицкому и домохозяйке А. Степановой из Свердловской области, рабочему Уйбасетского лесхоза Красноярского края Г. Ауструеву и конструктору А. Куркову из Ленинградской области, солдату Б. Иванову и студентке Л. Масловой из Джамбулской области, колхознице Зейфровой из Горьковской области и многим, многим другим.

Читатели восхищаются и гордятся Женей Григорьевым, называют его подлинным героем нашего времени, образцом молодого строителя коммунистического общества и в то же время глубоко скорбит по поводу его безвременной гибели. «Мне кажется», — пишет в редакцию

Н. Неморова из г. Кемерово, — что Жена Григорьев — неутомимый, бесстрашный, честный, трудолюбивый — может по праву называться родинным братом Павки Корчагина». Эта же мысль проливается и письмом от И. Истомина из Бурятской АССР: «Жена очень похожа на Павку, очен!» Доказательств тому — его творческая жизнь, успехи, любовь к нему товарищей по работе, его праведное сердце, его дневник... Пусть его образ будет примером для нашей молодежи, примером закладки новой стали!»

И как бы ответом на эти призы звучат слова из многочисленных писем наших читателей, где в сердцах короткая и яркая жизнь Е. Григорьева уже стала образцом для подражания, своего рода камнем, на котором сверяют свои мысли и действия мечты и пожелания юноши и девушки. «Жена Григорьев заставил меня задуматься над вопросом: «А что я сам сделал полезного для коммунистического общества?» — пишет С. Овчаров, студент из Днепропетровска. — Я постараюсь в дальнейшем быть похожим на Женю. Спасибо редакции «Мете» за то, что познакомили меня с Человеком с большой буквы, перед жизнью которого я преклоняюсь. Как жаль, что она была так коротка!» И. Пантюхова из г. Каменска-Шахтинского, Ростовской области, в своем письме говорит: «Жена Григорьев — настоящий советский человек! Как ни коротка была его жизнь, проявил он ее замечательно. Я учительница. У меня в классе 37 первоклассников, маленьких граждан. Мне хочется воспитать их так, чтобы они стали такими, как Женя». А вот письмо, присланное из г. Варшавы, Ульяновской области, электромонтером В. Парниным: «В Программе КПСС сказано, что наш общество — человек человеку — друг, товарищ и брат. Сколько человеколюбия, духовной силы и богатства было в Жене! Мы, ровесники Жени Григорьева, никогда не забудем обыкновенного героя нашего времени. То, что не удалось осуществить Жене, завершат его друзья, а их у него миллионы». Слово продолжает это письмо,

В. Корнеева из г. Хабаровска сообщает: «Судьба Жени заставила меня как бы пересмотреть свою жизнь. Я недавно окончила техникум. Прошло всего два месяца моей трудовой жизни. Конечно, встречается много трудностей, и иногда нападает хандра, но сейчас я думаю: ведь у Жени трудностей было наверняка больше, но он их преодолевал и не хныкал. Хочется учиться у него, подражать ему!»

Комсомолцы 11-го класса школы-интерната из г. Омска в своем коллективном письме пишут: «Большое впечатление произвела на нас небольшая, но полная борьбы за справедливость, за счастье нашего народа жизнь Жени Григорьева. Его прекрасная жизнь — это героический подвиг, яркий пример служения народу, Родине. Мы будем жить так же, как Жени!» К этой клятве присоединяются И. Коженинкова и В. Наумов из г. Куйбышева, В. Панарина из Северного Казахстана, ефрейтор Э. Штантов, В. Масимов, ученик слесари на г. Варнаулы, Г. Суванов и А. Винокуров, работницы Вездункинского керамического завода (г. Москва), А. Шиялева, библиофилка из Курганской области, С. Мальгина из г. Солжика и многие другие.

А письма все приходят и приходят. На конвертах — штемпель самых разных городов и сел нашей страны, написаны они разными почерками, но мысли, содержащиеся в них, удивительно похожи:

«Жить, как Жени!»
«Работать, как Жени!»
«Бороться, как Жени!»

Когда читаешь эти письма, то невольно не замечаешь выдающиеся строки из бессмертной «Песни о Соколе» Максима Горького: «Пусть тай умир! Но в песле жизни и силных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

Жизнь Жени, его дела и мечты наших многоголосья отклик в сердцах смелых и сильных духом. Вот что пишет по этому поводу машинист паровоза, молодой коммунист В. Шинякин из г. Кузла, Свердловской области:

«Мне за смерть комсомольца Григорьева, я обаялся вступить в члены и вольно 20 комсомольцев в члены народной дружины, чтобы вместе беспощадно бороться с хулиганами, со всеми, кто мешает мирно трудиться советским людям». Ему вторит читательница Л. Борвиская из г. Харькова: «Я поклялась, что буду с удвоенной энергией бороться с тем злом, которое мешает нам жить, строить, творить!»

А вот клятвы воинов Советской Армии, работавших ранее на аэрофизикации дороги Москва — Иркутск, В. Завказу, Ю. Воронину, Н. Поденкова, С. Фронова и В. Выперижского: «Мы, проработавшие с Женей рука об руку несколько лет, знаящие его еще по училищу как друга, товарища и товарища, просим коллектив и наши подлинники по коллективному заявлению электрификаторов наших товарищей по работе, Советского союза Женей клянемся бдительно нести службу, быть первыми всегда и везде, жить только для народа, упорством и настойчивостью осуществлять Программу КПСС, а после армии работать на самых трудных участках строительства коммунизма!»

Бандитам нет места в нашем обществе! Смерть Кулешову и Колотову!»

Убийство Жени Григорьева вызвало мощный взрыв народного гнева и возмущения. Среди полученных писем, особенно много было писем одно, в котором автор поддерживает приговор Курганского областного суда. Зато во всех остальных письмах, а их уже опубликовано немало, подчеркивается категорическое требование пересмотреть этот приговор и строго покарать бандитов, осевших в наших местах на человека. Точно так же была не только материально богатой, но и морально прекрасной, необходимо бороться со всеми сорняками решительно и беспощадно. Среди писем, присланных на г. Калинин, Литовской ССР — Гуманность нужно проявлять там, где она полезна. В данном случае она вредна». Эта же мысль содержится и в письме преподавателя училища механики из Северного Казахстана Т. Зубко: «Это ведь просто немыслимо: Жени нет в его убитый день, а в его день рождения не едят нам хлеба! Почему мы нередко либеральничали с хулиганами, бандитами? Почему из-за них должны жить целые материальные города?»

Советские люди хорошо известны своим великодушием, своей гуманностью. Они всегда готовы прийти на помощь заблудившемуся, готовы простить ему ошибки, если уверены в его раскаянии, готовы протянуть товарищескую руку оступившемуся. Но они беспощадны к врагам, они жестоки, во всех головах настаивают на применении самых суровых карательных мер к лицам, которые совершают также преступления, которые посягают на социалистический строй в нашем обществе — на человеческую жизнь.

В отношении таких типов, как Кулешов и Колотов, можно было бы сказать: «Вот так надо жить и умереть!» Это как доуток партизана в Великой Отечественной войне — с фалшмом, — пишет Я. Дерюхович из г. Запорожья. — А

чем Кулезов и Козлов лучше фашистов? Они убийцы горючего патриота нашей Родины Жени Григорьева, который честно жил, трудился, вместе со всеми строил наше будущее — коммунизм. Так смертный приговор обидит!».

«Пересчитать можно и нужно людей, — добавляет В. Семченко из г. Артема, Приморского края, — которые оступились в жизни, иногда даже сами не желая этого. Но пересчитывать тех, кто умышленно убивает наших труженников, по-моему, не стоит. Их нужно карать по всей строгости наших законов. Чем sooner мы освободим наше общество от таких подолов, отбросов, тем будет лучше!».

«Разве можно относиться гуманно к таким людям, как Кулезов и Козлов?! — восклицает Г. Рафаян, главный мастер «Балтского» завода «Электросварка». — Да и люди ли это? Это звери в образе человека, а со зверями надо, говоря словами Крылова:

«...начне не делать мировой,
нам сиваша шкутку о них долой!
Ведь они, эти бандиты, мешают
нам жить, мешают строить и созидать,
мешают нашему культурному отдыху.
В нашем обществе, где уважение к личности человека является неотъемлемой частью морального кодекса строителей коммунизма, этим бандитам нет места!».

«Я человек самой гуманной в мире профессии, — заявляет врач-хирург Г. Горьянов из г. Заполярья. — Мне доверено большое и сложное дело — охранять человеческую жизнь. Партия научила меня подлинной человеческой гуманности. И вот во имя этой гуманности я требую смертной казни убийцам Жени Григорьева!».

Обращаясь к работникам Курганского областного суда, многие читатели советуют им при вынесении приговоров опасным преступникам, вроде Кулезова и Козлова, не забывать указания В. И. Ленина, который требовал объявить войну не на жизнь, а на смерть жуликам, туземцам и хулиганам. «...Этих врагов, — писал Владимир Ильич в статье «Как организовать соревнование?», — надо взять под особый контроль всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякое колебание, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом».

И вот, осуществляя ленинский завет о необходимости контроля всего населения за жуликами, туземцами и хулиганями, целые коллективы трудящихся прислали в редакцию свои предложения в отношении приговора Кулезову и Козлову, свои требования сурово и жестоко покарать преступников.

«Умышленное убийство в наше время должно наказываться беспощадно. Не могут рассчитывать на синхронизацию общества убийцы одного из лучших его членов! К этому требованию коллектива Курганского порта Ленинской области единодушно присоединяются:

комсомольская организация паровозного депо Ростов — Главная;

коллектив парохода «Арзамас» Латвийского государственного морского пароходства;

коллектив Междуреченского шахтостроительного управления Кемеровской области;

рыбаки траулера «Советская Конституция» Мурманского трамольного флота;

комсомольский коллектив колхоза имени Ленина, Кришчяйского района, Днепропетровской области;

работники бетонного завода из г. Анжер-Судженска;

студенты строительного факультета Дальневосточного политехнического института из г. Владивостока;

коллектив строительного-монтажного поезда № 5 из г. Ленинграда;

комсомольская организация Исково пороха Краснознаменного Балтийского флота;

работники цеха металлургического завода из г. Алчевска, Луганской области;

комсомольцы и молодежь станции Анапасская, Краснодарского края;

морские Исково подразделения Тихоокеанского флота;

коллектив рабочих Исково энергостанции из г. Новосибирска и многие другие.

Если слить воедино те чувства негодования и возмущения, протеста и ярости, которые заключены в каждом из этих писем, то образуются такой шквал народного гнева, перед которым никто и ничто не в состоянии устоять. Пусть дрожат всякие кулезовы и козловы, пусть знают, как не навредит советским труженникам их и им подобным!

Пусть внимательно прислушаются к этому голосу народа и люди, стоящие на страже советских законов, призванные охранять мирный труд и отдых советских людей.

Жени Григорьева нет в живых. Сотни, тысячи людей глубоко сожалеют об этом, являются никогда не забывая его, жечко помнят его. И нам думается, что все, кто узнал о замечательной жизни простого, скромного рабочего парня из ЭМП-708, присоединятся к мнению читателей В. Шапачкина, который предлагает переименовать станцию Петухов Омской железной дороги, где погиб Жени, в станцию Григорьевская. Мы надеемся, что к этой просьбе внимательно отнесется в Министерстве путей сообщения СССР и выполнит пожелание читателей «Смены».

Во всех откликах, поступивших в «Смену» в ответ на опубликование дневника Жени Григорьева и коллективного письма рабочих ЭМП-708, содержится просьба — информировать читательскую журналиста о том, что будет предпринято в отношении бандитов Кулезова и Козлова.

Верховный Суд РСФСР по проксту Прокурора Российской Федерации отменил приговор Курганского областного суда и направил дело бандитов Кулезова и Козлова на новое рассмотрение. Об окончательном приговоре бандитов будет сообщено дополнительно.

Редакция журнала «Смена» выражает благодарность всем читателям, приславшим свои отклики по поводу материала «Жизнь и смерть Жени Григорьева».

Ударили коммунистического труда! Этих славы и честию сказано все и то, что он лучший в работе, и то, что он первый в учебе, и то, что он настоящий друг.

Перед нами удивный коммунистического труда немощный Дуся Ерофеев. В какой бы отдаленный угол казахстанской степи ни занесли его беспощадная профессия инжентризма Дуся всегда трудится только на «отлично», она во всем впереди.

нощим лицом, героев. В него только не приходится «переволокаться» — художникам-мультипликаторам! В послушных или капризных мальчиках, в сказочных чудовищах, в различной нечистой силе, в сверчков, бобров, воробьях, лисич, в механическом поэте-робота с поэтической шевелюрой из рыжих соленидов и туго горящих огненным глазами, в плачущий молочок, кусающийся плоскобрюхий, улыбающийся луну или, наконец, разгневанный электросветичи, который, словно черный паук, подбирается и сидит под гирляндами ярких ламп чинишь и выщипывает красивые молнии: «Берегите электрэнергию!» Нет ничего недоступного, ничего такого, во что бы художники-мультипликаторы не сумели вдолкнуть живую душу. И часто фантастический мир сказки оживает в рисованном или кукольном фильме.

Но сказка есть сказка. А всякое настоящее живое искусство стремится и непосредственно отраженно действительности. Мультипликационные фильмы — искусство и настоящее и живое, и тому же обладающее неповторимыми, большими возможностями. И естественно, что создатели этих фильмов хотят активно участвовать в сегодняшних свершениях, не только развлекать зрителя, но и утверждать в их душах высокие моральные принципы, воспитывать, использовать гибкие, остроумные, логичные, живые рисунки. Действительность — исход в мультипликационные фильмы по-разному, в зависимости от избран-

Мультипликационный мир

Мультипликационные фильмы — за этим названием скрывается целый мир, своеобразный, яркий, полный неожиданностей.

Мир этих фильмов — мир нарисованный, и герои, действующие в них, — рисунки или куклы, чтобы они оживили на экране, надо затратить огромный труд целого коллектива художников. Лаконизма образов, острота характеров, ритмическая четкость, легкость и точность движений, которые кажутся нам само собой разумеющимися, достигаются несладким кропотливой работы, Месяцами! А сам фильм промелькнет перед нами за 10—20 минут. Но для того, чтобы ряд неподвижных, застывших рисунков сложился, да и иллюзию плавного движения, нужно создать не десятки, не сотни и даже не тысячи, а десятки тысяч таких рисунков. Нужно достичь не только того, чтобы ожившие герои правильно двигались, но и придать им определенные черты характера, заставить их реагировать на окружающее, раскрыть их внутренний мир.

В обычных игровых фильмах эта сложная задача выпадает на долю аниматоров. В мультипликационных «играют» художники, и от их искусства, их мастерства, их умения «переволкнуться» в создаваемые образы зависит «антерские» удачи фильма.

В мире мультипликационных фильмов любая вещь, любой предмет, любое явление природы — словом, все, что существует нас, — может стать действу-

«Конец Черной топи».

«Мультипликационный крокодила № 4».

ного жанра, от использованных приемов. Но она копит, властно заливает экран. Это особенно ощутимо в нескольких последних работах студии «Союзмультфильм».

Воспоминания «Непризнания» (сценарий М. Слободской, режиссеры В. И. Зурбеварт, художники Л. Азарх, В. Даланян). Против дармового, тупого людей, впадающих по жизни, направляет этот фильм. История целой семьи подобно типичной рассказана с великопозной наглядной точкой зрения — представление маленькой девочки, которая все выражает, употребляет в переносном смысле, понимает по-детски буквально.

Наблюдательная сторона фильма как нельзя лучше соответствует этой точке зрения: на экране оживают не обычные рисунки, а рисунки детства, с их остротой, свежестью, угловатостью, скрупили, но чрезвычайно характерными деталями, с их остротой, свежестью и неординарностью видения мира. Реалистичнейший шагаял Вова, отравляющийся в ресторан, мать на службу, шинкарица девочка Катя, занятая делом солидного мужа, их протравившийся на службе папа и мешанка мама, прежде чем предстать в момент крушения своего уютно-пустого кидеявического благополучия, демонстрируют в процессе развития.

Этот злободневный фильм средствами гротеска, преувеличения, оригинальной трактовки самым будто бы странным образом достигает большой обличительной силы и действительности.

Интересен и другой фильм, «Лиса» (сценарий М. Болыгин, режисер Л. Атанов). Это одно из последних работ студии «Союзмультфильм», отмеченная поисками более широкого и всеобъемлющего отражения современного отношения мультипликационного жанра.

В этом фильме свой прием, позволяющий в наиболее емкой и в то же время яркой форме раскрыть его основную идею: столкновение мира сказки и реальной действительности. Сюжет фильма — папа и мамы родился сын. Добрые

феи принесли ему «любое», которого должен принести мальчишка в «стадну счастья». Родители в восторге: но девушка, старый слесарь, понимает, какая опасность грозит его внуку: опасность стать зрелым, ниточным дармоедом. И вместе с другим, замечательным, создающим удивительных механических людей в своей Лаборатории думачиц машин, девушка стремится помешать никому проникнуть в эту так называемую «страну счастья», где кисельные берега молочной реки, словно илейное болото, где никому не учащиеся «малышки» круглый год носят ревуша, горящие ватой, где жужжит, как монотонный ниточный сон. А затем «счастливая» старость — мамочка, кошка для уюта и надзор тупых, обрюзгших феев, являющих бесконечный чужок.

Фильм обнимает все мешающую сущность сказочного, дармового, незаслуженного счастья. Недаром три феи у малышки младшая — это три досужие кумушки, принесшие в дом заждаю в волшебным чудом мешающий уют пошленьких картин, аллюпатов бутылочек на обоях и т. д.

Применяя того же сопоставления, но с действительности использован и в «Конце Черной топи» (сценарий А. Синсарев, режисер В. Дегтарев) — кульминация фильма, снятая на этой студии. Персонажи, сизак — перенити пренити суевей — нульки Баба-Яга, Водяной, Вещи выполнены с великолепной выдумкой и чувством материала. Много и интересное создано для «Союзмультфильма». Вспоминаю хотя бы о выпущенном студией «МУФ» — «Мультипликационный календарь». Его несложные сюжеты преследуют большие цели — воспитание ребенка нового общества.

У студии большие планы. В них новые номера «МУФ» и фильмы с различными жанрами: от «Вани» Магического, которого ставит Сергей Юткевич (художник Ф. Збарский), до детских сказок, от фильма «Борьба за мир» (перевод меча на орала» по сценарию Назима

«Лиса и бобр».

Хикмета до «Зеленого змея» — сатиры на самогонщиков — и «Трех толстяков» Ю. Олещи. Много ярких, умных, талантливых произведений собираются создать работники студии. Много смешного, поучительного и серьезного хотят они рассказать зрителям. И обязательно раскажут.

Но! Увы! И здесь есть свое традиционное «но» дождит ли еще рассказы до зрителей?

Вопрос закономерный. Ведь не так-то легко бывает порой по-

смотреть мультипликационные фильмы, не так-то легко отыскать тот кинотеатр, на экране которого все еще волшебными красками расцветает наш мир. Кинопрокат демонстрирует мультипликационные фильмы незаслуженно мало, рекламирует из рук вон плохо. И злободневные, острые, нумные фильмы, бывает, приносят пользы меньше, чем могли бы и чем хотели бы их создатели.

Р. ИРЕЧЕТОВА

К. БЕЛИКЕ

РАССКАЗ

Спорт в капиталистических странах целиком находится во власти денег. Делящиеся машины, подкуп спортсменов и судей обихода для стран Запада. Так, недавно в Англии полиция раскрыла деятельность целой шайки дельцов, подтащивших результаты спортивных состязаний. Затем в печати появилось заявление бывшего английского футболиста, который признался, что за денежные вознаграждения они умышленно проигрывали отдельные матчи. Нередко английской уголовной полиции приходится заниматься и расследованием дел об убийствах во время состязаний.

Случай об убийстве одного из вратарей послужил Курту Белিকে поводом для написания рассказа «Гибель вратаря Муррэя». Рассказ этот опубликован в журнале «Шпорт ревью» (ГДР). В нем наглядно повествуется о нравах современного буржуазного спорта.

ИГРА НА ВЫЖИВАНИЕ

В один из туманных ноябрьских дней, которыми так богата осень на Британских островах, любители футбола заполнили трибуны стадиона «Ливерпуль-Сити», где проходил матч между командами Ливерпуля и Лондона. Нелегко приходилось вратарям в густом тумане, висевшем над стадионом плотной, как вата, завесой. Они с большим трудом могли различать мячиные впереди, похожие на призраки фигуры защитников и догадываться о происходящем на другой половине поля.

Боб Муррей, вратарь «Хэригтон Бойс», стоял, прислонясь к штанге ворот. Он нервничал, настроение было прескверное. Продолжительный и трудный сезон подождая к концу, Игроки устали, вымотались. Над командой «Хэригтон Бойс» нависла угроза перехода в младшую группу.

События же на поле развивались своим чередом. Вынырнув из тумана, к воротам «Хэригтон Бойс» устремились шесть лондон-

цев. Последний слева мяч навис над штрафной половицей. Муррей гигантским прыжком вылетел из ворот и кулаком отбил мяч. 35 тысяч зрителей зашевелились. Смелые действия вратаря «Хэригтона» разожгли страсти на трибунах. Зрители аплодировали Муррею. Самоотверженная игра вратаря удвоила команду «Хэригтона» удалось сквитать счет и даже выиграть вперед.

Лишь одному человеку не понравилось, что Боб Муррей был «ударен». И этим человеком был запасной вратарь «Хэригтона» Джонатан Блэдд, мрачно сидевший на скамейке запасе сзади ворот.

Футболисты «Хэригтона» не любили своеговольного, недержанного и драчливого Блэда. Старонились его. Несколько лет назад он сидел в тюрьме за поножовщину. Тогда, при аресте, Блэдд пытался задушить полисмена.

И вот этот человек сидел за воротами и мрачным, полным злобы взглядом следил за Бобом

Муррээм, который, как считал Балла, вот уже три года предавался ему путь к славе. Из-за этого отношения между Муррээм и Балла были натянутыми. Между обоими врачами часто возникали ссоры, и однажды между ними Смуту пришлось вмешаться в один из скандалов, во время которого Балла швырнул медицинский аппарат в спину своего партнера.

А события на поле продолжали развиваться. Лондонцы обещали защиту «Харингтона» по левому краю. Трибуны вновь зашумели. Центр нападения лондонцев получил мяч и, немного продвинувшись влево, сильно ударил по воротам. Муррээм молниеносно бросился на мяч. Фотографы разом вскакивали со своих аппаратов. В публике стоял неслыханный шум... Врачи, едва касаясь мяча, безнадёжный мяч, не поднимаясь с земли. Никто не заметил какой-нибудь грубости и точно не знал, что случилось. Судья, остановив игру, добился и воротам, где у штаба неподвижно лежал Муррээм. Вокруг лежачего толпились игроки. А на поле уже спешили санитары с носилками.

— Наверное, ударив головой о штаны, угодил в один из лондонских игроков, помога я лондонских санитаров на носилки. Пока санитары несли пострадавшего в раздевалку, левый полу-средний Дэй Голкинс занял место в воротах. Для полевого игрока он действовал не так уж плохо. Но все же не смог предотвратить поражения «Харингтона». Лондонцы выиграли — 4:2. Понуря головы, проигравшие покинули поле.

...В раздевалке врач стаял санитар с мочурыми лбами Боба Муррээм. Он бесконечно, так как врач все еще не пришел в себя. Продолжая попытки привести пострадавшего в чувство, врач нервничал, выжимая пальцами приоткрытые веки и заглянул в глаза лежащего. Окружающие молча наблюдали за ним. Вдруг доктор, повернув Муррээма на бок, резко опустил руки.

— Произошло невероятное событие, черт меня побери! — проговорил он хрипло и указав на маленькую ранку на спине.

На санитаре врач теперь все заметил небольшое пятно крови...

Немного погодя, еще до окончания матча, к главному входу стадиона «Сити», из которого тольпояной походкой выходила за-

пасной врач Балла, подыкала машина. Из автомобиля вышли четверо агента уголовного полиции и направлись к раздевалке «Харингтона». Врач тихо сообщил им свои наблюдения:

— Вероятно, пистолет... Пуля попала прямо в сердце, и бедняга убит наповал.

— Над овалом стадиона, окутанным молоком тумана, опустился вечер. В столовой, под трибунами, кассеры подсчитывали выручку. Футболисты сидели за столами. Попутясь, сидели ковыряли вилками в биршестках. Уже распространился слух, что Муррээм стал жертвой преступления. На поле им не удалось обнаружить ничего, и инспектор Бойд, войдя в телефонную будку, набрал номер полицейского кабинета. На другом конце провода главный врач немноговольно доложил:

— Калибр 7,65. Точно в сердце. Бойд осведомился, с какого расстояния был произведен выстрел.

— Очень жаль, инспектор, но установить это невозможно. Правда, убийца не мог стоять далеко. Кроме того, преступник, по-видимому, стрелял в тот момент, когда врач лежал на боку. Об этом говорит путь пули...

На следующее утро приемная Бойда наполнила переднюю доктор Джеррибарда, знаменитого специалиста по операциям менисков. Инспектор пригласил к себе игроков обеих команд и допрашивал их одно за другим. Последним вызвали Балла.

— Ну, Балла, — сказал инспектор, — куда это вы вчера так спешили!

Тот поднял глаза и беззащитно взглянул в лицо Бойда.

— Мне право делать, что мне хочется, — резко ответил Балла. Инспектор улыбнулся и кивнул в знак согласия. Затем он опять стал серьезным.

— Послушайте, Джонатан Балла. А вы знаете, что Боб Муррээм убит? — глядя в упор на допрашиваемого, резко проговорил полицейский инспектор.

— Так... При чем же тут я? — беззащитно возразил Балла.

Инспектор Бойд продолжал смотреть в упор на собеседника. Затем он заговорил:

— Знаете ли, Балла? Ваши взаимоотношения с Муррээм и недружелюбны, которых вы питали к нему, нам известны. А ваша недоброжелательность даже вошла в по-

словицу: Бойд сделал небольшое паузу, потом добавил: — Я приоткрыл дверь. Многие против яв. Вы сидели в воротах во время происшествия. А то, что выстрел пистолета с глушителем почти не слышен, когда зрители, как सदиримые, нам тоже, наконец, известно. Я играю в открытую. Плохо вы дела.

Часом позже инспекторы Бойд и Браун опоздали к воротам стадиона «Сити». Вдруг Браун прыгнул мысль о том, что было бы неплохо посмотреть фотографии этого матча.

Через день инспектор мог поудивиться, что на столе редактора многокострированного журнала. На столе его кабинета были собраны многочисленные снимки разных фотопортретов. Браун и Бойд указывали карточки в конверты, чтобы вернуть их владельцам. На обороте каждой из них стоял штамп с фамилий фотопары. Браун раскладывал конверты с фотографиями, стараясь при этом еще раз взглянуть на каждую пачку. Наконец он добрался до снимков, присланных фотографом Томасом Баллом.

— Обратили внимание, — сказал Бойд, — обращаясь к Брауну, — что у Балла нет снимка с этим моментом!

Браун, соглашаясь, ответил: — Вряд ли везд все остальные взгляды этот бросил!

— Скажите, — проинтервью инспектор Бойд, — а вам известно, что профессиональный футбол — это шестая по величине отрасль промышленности на нашем острове?

— Что-то слышал, — ответил Браун. — Но... промышленность, пожалуй, не то слово. Хотя по размерам оборота капитала это, безусловно, так.

Бойд добавил задумчиво: — Всегда одно и то же. Где дело касается миллионов, там и свинства больше.

— Просто, но правильно, — заметил Браун. — Но, может быть, есть еще одна сторона фотопортрета Балла? Может быть, и не остались другие фотографии? Он, наверно, не знал, что нам нужно.

Инспектор Бойд согласился.

Да как спуст они сидели в лаборатории мистера Балла, седого, нервного человека, и смотрели негативы пленки. Балла торопливо и угодничски шепелявил: — Конечно, двенадцать, но больше, чем я послал, а ничего показать не смогу.

Он остановился и вдруг добавил:

— Переверьте мне, я знаю футбольные дела, ксикологю игроков. Они честолюбивы и завистливы.

Фотограф нервничал. Моментально переключаясь с одной темы на другую, В. Браун снял с полки несколько пластинок.

— Знаете, — сказал он, — я обычно беру свои большие пластиночный аппарат только на бокс, и в основном, что сделал им, несколько снимков этого матча.

Бойд и Браун просмотрели пластинки на свет.

— Не то, — сказал Бойд.

И полицейские покинули лабораторию.

В тот же вечер в «Эмпайр Холле» Джим Альберт и Гарольд Смит биллись на первенство мира в среднем весе. В перерыве

Бойд кресел сидел инспектор Фултон. У самого ринга на низеньком складном стуле сидел фотограф Томас Балла. На колени Балла лежали два аппарата, один из которых был большой и старинный. В перерыве между раундами их взгляды встретились. Балла кивнул головой, приветствуя, подлая парочку.

Перед следующим раундом фотограф пригнул свой стул, и они разговорились. Балла сказал, что ему удалось сделать большим аппаратом меньше трех хороших снимка. Инспектор Бойд с интересом рассматривал аппарат.

— Однако новинка этот ящик не называет, заметил он.

Голг возвестил о начале следующего раунда. Инспектор встал и пошел к телефону. Было ровно 22 часа.

— Говорит Бойд. Обидно, что приходится портить вам вечер, Браун. Сейчас же поезжайте в лабораторию Балла. Захватите коллекцию отмычек и, бога ради, не стесняйтесь звонить. Ищите либу столу кабинета Балла — ту игрушку, из которой был убит Муррээм. Балл не боксе. Если вообще быстро кончится, я его задержу...

Перед полночь у Бойда звонил телефон.

— Пистолет найден, инспектор. Калибр подходит, — сказал Браун. — Впрочем, этот Балл еще и морфинист, тут такая масса ампул!

На следующее утро Балл был арестован.

Инспектор Бойд, начиная допрос, привнес две найденные в фотопортретах профилированные пластины к большому аппарату и просунул между ними свою пистолет. Затем инспектор нажал на затвор фотоаппарата, радвался суете, шуму спускового крючка пистолета.

— Так вы это сделали, Балла? — спросил он. — Я понял это, осматривая вчера ваш аппарат. Что же все-таки толкнуло вас на этот шаг?

— Скажите, откуда у вас были такие безумные деньги на морфин? — в свою очередь, задал вопрос Браун.

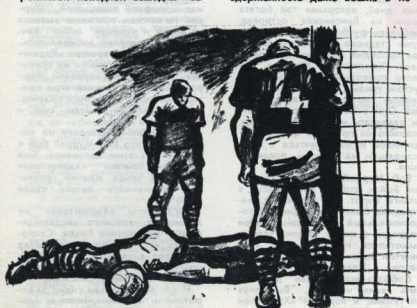
Балла понял, что игра проиграна, и, как-то сразу обмякнув, сознался. Слово торопливо поведать все как можно быстрее, он заговорил прерывающимися глотками:

— И почему мне дали один человек в близрасположенном у стадиона кабаке. Он, кажется, акционер футбольного клуба. Я и решил иметь с ним дело, он щедрый, платил мне кое-какие услиги. Муррээм надо было убрать, чтобы его команда перешла в младшую группу, а не та, другая...

Когда фотограф уезжал, инспектор Бойд обратился к своему помощнику Брауну:

— Да, футбол действительно шестая по величине отрасль промышленности в Англии. Если бы только дела совершались в промышленных кругах и в высших сферах, наше дело ограничивалось бы поимкой непосредственного исполнителя, простого уголовника. В профессиональном футболе то же самое. Основную выгоду получающие за кулисами, неуловимы. И там и тут они нам не по зубам...

Перевел с немецкого
А. ПЕТРОВСКИЙ.

Выступая на XXII съезде партии, летчик-космонавт Г. С. Титов так оценил этот «научный» эксперимент: «Мы, космонавты, протестуем против техких авантюристических действий американских империалистов, направленных против мирного освоения космоса, против прогресса и науки».

В чем же дело?

Полетами первым в мире космо-

нест, которые получат «земная радиосвязь? Нет, не это. И вот почему.

Поиски из гололк обладают таким же строгим «характером», как и полет-ферба. Их отражающая способность непрерывно меняется. Ведь вголки-то постепенно рассеиваются! Даже по расчетам самих авторов проекта, срок службы системы «Вест-Форд» не может пре-

Повсю это, не так уж сложно заняться расчетами. Представьте, что вы запускаете спутник по экваториальной орбите в направлении вращения Земли. Очевидно, что расстояние между Землей и спутником должно быть меньше, чем от Земли до Луны, и больше, чем от Земли до кораблей «Восток» и «Восток-2». Расчеты показывают: если спутник будет нахо-

беспечно ученым. Выносятся радисты. Озабочены космонавты. Газеты приносят трезновские вестники американцы присутствия к осуществлению проекта «Вест-Форд».

Что это за проект? Почему он вызывает беспокойство в научном мире?

Прежде чем ответить на эти вопросы, совершим небольшую экскурсию в историю радиотехники.

Уже повсюду назад, на заре радиосвязи, длинноволновый диапазон оказался перенаселенным. Стационар стало тесно. Они начали «наезжать» друг на друга. Выход казался только вывал радиополосы. В отведенном им «бросовом» коротковолновом диапазоне они стали осуществлять передачу на расстояния, значительно большие, чем это считалось возможным. Разрушались общепринятые представления: короткие волны стали достигать точек, расположенных значительно дальше пределов прямой видимости.

Но ведь эти волны нечесты только по прямой. Как же они обгают земной шар? Как с Северного полюса достигают Южного?

Поиски «секрета» привели к интересным результатам. Стало ясно, что короткие волны, мчась действительно только по прямой, обладают свойством солнечного «эха». Подобно лучу света, падающему на зеркало, они способны преломляться и отражаться. «Зеркалом» для них служат верхние ионизированные слои атмосферы — ионосфера.

Все было бы хорошо, если бы ионосфера не обладала «строгим» правом. Она меняет свой «характер», свои физические свойства днем и ночью, утром и вечером, зимой и летом. Ионизированные слои то приближаются к Земле, то удаляются от нее. А радиоволны попадают то в один пункт, то в другой. Он становится то слышимым, то слышимым. Такое положение явно не устраивало связистов. И техника нашла различные способы борьбы с капризами природы. Американский проект «Вест-Форд» предусматривает «эхо» для этой же цели. Используют новейшие достижения, в первую очередь советской науки и техники, американцы решают «эмансипировать» ионосферу — создать искусственный отражающий слой.

Они отправляют в космос искусственный спутник «Мидас», который, вращаясь по полярной орбите, в течение двух месяцев должен «сеять» металлические иголки. Их будет выслано 350 миллионов штук. На высоте 5—10 тысяч километров эти иголки образуют широкий пояс. По заявлениям американских специалистов, предполагается создать и второй пояс, проходящий уже по экваториальной орбите.

НАУЧНЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

Полета Юрия Гагарина и Германа Титова Советский Союз открыла новую эпоху в освоении космоса. Для этих полетов были сконструированы сложнейшие космические корабли, проводились многочисленные исследования. Среди массы вопросов, изучавшихся учеными и конструкторами во время пробных запусков, стоял один, особый, даже чрезвычайно важный. Как защитить космический корабль в случае его столкновения с микрометеоритом? Ведь каждому человеку, знакомому с элементарной физикой, ясно, к чему может привести столкновение двух тел, несущихся навстречу друг другу с огромной скоростью. Легко себе представить, что произойдет с космическим кораблем, попавшим в пояс из металлических иголок десятимикронной длины!

Именно на это и рассчитывали американцы. Они, вероятно, надеялись присвоить себе победу над советскими космонавтами и по завершении проекта объявить завоевание Германа Степановича «Несмотря на диверсии империалистов США, мы, советские летчики-космонавты, будем продолжать летать в космос».

Образование поясов может принести науке только вред. В первую очередь удар будет нанесен по астрономии и радионавигации. Ведь радионавигация полностью зависит от наличия радиосигналов из космоса. Эти чрезвычайно слабые сигналы — пока единственные источники для наших знаний о звездах и планетах, доходящих за пределы досягаемости даже самых мощных оптических телескопов.

Огромный вред possa принести и тому, что в самом недалеком будущем они начнут разрушаться, а иголки, под действием солнечного излучения возвращаясь в земную атмосферу, будут загрязнять ее. Американцы, видимо, надеялись и на то, что пояс, экранируя радиосигналы, нарушит связь с космическими кораблями.

Вред от осуществления американского проекта «Вест-Форд» для науки очевиден. Может, стоит поинтересоваться этим ради тех преиму-

ществ, которые получат «земная радиосвязь? Нет, не это. И вот почему.

Поиски из гололк обладают таким же строгим «характером», как и полет-ферба. Их отражающая способность непрерывно меняется. Ведь вголки-то постепенно рассеиваются! Даже по расчетам самих авторов проекта, срок службы системы «Вест-Форд» не может пре-

Каждому ясно, что чем выше поднята антенна коротковолновой станции, тем больше радиус ее действия. В настоящее время существует немало интересных способов ретрансляции с помощью поднятых в воздух самолетов, вертолетов, аэростатов. Для этого достаточно установить на самолете радиоприемник и мощный передатчик. Правда, подобный способ не дает радикального решения задачи, так как высота, на которую может быть поднят самолет, недостаточно для осуществления радиосвязи с любым пунктом Земли, да и летает самолет весьма ограниченное время.

А если установить аппаратуру на искусственном спутнике Земли? С первого взгляда кажется, что использовать спутник для радиосвязи — дело очень сложное: ведь скорость движения такой ретрансляционной станции востине огромна, и спутник, вращаясь вокруг Земли, не будет успевать «идти» на «вдв» нами. А если «идти» нами — это хорошо. А если «идти»? Тогда радиоволны, изучаемые наземно, так сказать «первичной» станцией, не могут достичь его. Если же эти волны послать «вниз», в глубь земной поверхности, они заглохнут в самых верхних слоях земной коры.

Но не так страшен черт... Известно, что искусственные небесные тела, в частности спутники, движутся в соответствии с законами всемирного тяготения.

Корабли «Восток» и «Восток-2» для облета Земли надо было около полутора часов. Естественному спутнику — Луне — на тот же путь требуется около месяца. Происходит это потому, что чем больше увеличивается расстояние между спутником Земли и нашей планетой, тем больше возрастает период обращения спутника. Если от Луны до Земли около 38 тысяч километров, то корабль «Восток» и «Восток-2» летали всего лишь на расстоянии 200—300 километров от земной поверхности.

даться в 38 тысяч километров от Земли, то там он будет казаться неподвижным. Кстати, сигналам каждой такой станции можно принимать на обширной территории — 64 миллиона квадратных километров, что лишь немногим меньше половины всей земной поверхности. Следовательно, запустив три спутника, можно гарантировать устойчивую связь с любой точкой Земли.

Наука предождала — и это отнюдь не фантастика — использовать для радиосвязи и отражение радиоволн от метеорных следов и Луны в качестве «зеркала».

Идея использования метеоров основана на том, что, влетая в верхние слои атмосферы, они оставляют неизгараемые следы. Ввиду большого количества падающих метеоров, следы перекрывают друг друга и образуют почти постоянный по своим физическим свойствам ионизированный слой. От него отлучно отражаются волны определенной длины. Между прочим, эта идея уже получала конкретное инженерное воплощение в опытной линии радиосвязи.

Что касается Луны, то использование ее в качестве «зеркала» долгое время представлялось нереальным. Дело в том, что отражающая способность поверхности нашего естественного спутника весьма позни. Но советский ученый С. И. Катаев нашел оригинальный выход из затруднения, предложив с помощью ракеты забросить на Луну металлические отражатели. В наше время дело это не такое уж сложное.

Если же загнать вперед, то недалеко, видимо, время, когда на Луну можно будет доставить и прямые-передатки. Их можно использовать для связи как и ретранслятор на самолете.

Можно назвать множество других способов для получения дальней коротковолновой радиосвязи. В частности, связь с помощью отражателей от тропосферных полярных сияний. Но и то, о чем рассказано здесь, убеждает во вредности проекта «Вест-Форд» для науки, в нецелесообразности для науки.

Надпись «научная» диверсия, направленная против мирного проникновения советских ученых в космос. И гиттеры вопльки американцы скрывать это.

ВСТРЕЧА

Встреча с...
Встреча с...
Встреча с...
Встреча с...
Встреча с...

Не было на Земле человека, который не ждал бы прилета экипажа «Ленина». Вся Земля готовилась встретить первых победителей Большого Космоса. Их имена, вошедшие в учебники истории, были хорошо известны всем. Эти люди были легендарны.

Но самым нетерпеливым, несомненно, был Волгин. С момента, когда Люций сообщил о возвращении людей, покинувших Землю в двадцать первом веке («В начале второго века коммунистической эры», — сказал он), Волгин не жил больше покоем. Он считал не дни, а часы. Космонавты должны были ступить на Землю 23 сентября, рано утром, на центральном космодроме, расположенном в бывшей пустыне Сахара. Волгин устремился туда двадцать первого.

Его бурляло жгло нетерпение. Увидеть, обнять, почувствовать таин же, как и он, людей, родившихся в одну эпоху, говорящих с ним на одном языке, — ни о чем другом он не мог думать.

Разница в их «возрасте» не смущала Волгина. Он был предпродом возвращенных космонавтов, но воспринимал их как современников.

Иначе и не могло быть. В сравнении с людьми тридцать девятого века — были почти одноклассниками.

Имена, отчества, фамилии, профессии и краткую биографию каждого из двенадцати космонавтов Волгин уже знал наизусть. Он знал, что самый молодой из них — Всеволод Крижский — родился через девять месяцев после его рождения. В книге, которую достал ему Люций, были портреты Второва, Котова, Озарова и Станиславской. Волгин часами всматривался в черты их лиц. Это были люди, во всем подобные ему самому. Они так же отличались от техпереселенцев, как отличался Волгин.

Остальные члены экипажа «Ленина» были сняты группой. Фотография выцвела от времени, рассмотреть подробности было трудно. Но четверо, командный состав экспедиции, на снимке сохранились хорошо.

Волгин попросил переснять портреты: книгу надо было возвращать в архив. Его просьбу выполнили немедленно. И четыре карточки бережно хранились им.

Он уже любил этих людей, пришедших к нему, чтобы разделить его одиночество. Теперь он больше не один. У него есть товарищи, которые поймут его всегда и во всем.

Волгин был очень счастлива.

Три дня он пролежал в Ленинграде. О том, чтобы продолжить путешествие по Земле, не могло быть и речи. То, что находится сейчас на Гемеле, несомненно, захотят ознакомиться с новой Землей — они сделают это вместе.

Люций специально отправился на космодром двадцать третьего. Арелет доставил бы их туда за полчаса. Но Волгин настаивал на немедленной отработке, мотивируя свое желание тем, что хочет познакомиться с переменами, которые произошли в Сахаре.

Впрочем, слово «Сахара» произносил только он один. Это название дадено было забыто.

В действительности Сахара его почти не интересовала. Его влекло, влекло неподдельно мучительное нетерпение.

Люций летел в Африку неохотно. Ему жалко было прервать работу, но Верховные советы науки и техники должны были в полном составе встретить возвращенных космонавтов. Это давно уже стало традицией. На космодроме соберутся все выдающиеся ученые Земли. Из академиков только двое — Муници и еще один археолог — не находились на Земле.

Утром в день отлета Сергей привел к дому пятнадцатиметровый арелет, опозд-таки того же внешнего цвета.

— Почему такой большой? — удивился Волгин.

— Потому что космонавты, безусловно, не захотят развлекаться с тобой, — ответил Люций. — Мне говорили, что они очень изволованы и обрдованы предостичим свиданием. Не меньше, чем ты. Из них больше половины урженцы Ленинграда. Ты их встретишь и сам доставишь сюда.

— Тот дом слишком мал.

— Для вас пригодится другой. Не беспокойся ни о чем.

Георгий МАРТЫНОВ

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО
и Г. НОВОНИЛОВА.

СЕРИЯ «ЗЕМЛЯ»

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение. Начало см. в №№ 17—22.

Волгин не удивили эти слова. Он уже привык. В тридцать девятый веке переименов дом было совсем просто.

В каждом населенном пункте было больше зданий, чем необходимо. Изобилие всегда и во всем являлось одной из особенностей этой эпохи. Улицы были вымощены камнем, всецело заняты людьми, которых уже предостало увидеть, но не мог не заинтересоваться тем, что открылось его глазам на месте, где когда-то была Сахара.

Когда арелет на максимальной высоте медленно пошел от берега Средиземного моря в глубь материка, Волгин не отрываясь, с возрастающим удивлением осматривал местность.

Он знал, что перед ним Сахара, но трудно было поверить этому. Пустыня исчезла. Тугой тропический лес заменил собой бесплодные пески. Темно-зеленый ковер растлился внизу без конца и краем. Еще в двадцатом веке люди орошали пустыни, прорезая их каналами.

Улицы были вымощены камнем. Арелет пролетал над реками, Настоящими, широкими реками. Откуда взялись они здесь?

Большие города с современными зданиями, обилие арелетов, высокие мачты всепланетной энергетической системы — все было таким же, как в центре Европы. Сахара превратилась в густо населенную цветущую страну.

В полной мере мог оценить Волгин силу и могущество человека, сумевшего так резко изменить величайшую пустыню на Земле.

— Это производит сильное впечатление, — сказал он. — Больше всего меня поражает река. Откуда берется? Волгин не знал, что река — это река внутри моря Мэри, сдвигаясь рядом с ним.

В Африке много искусственных водоемов. Уровень воды в них поддерживается тем, что сюда направляют ненужные дождевые осадки. Излишек стекает в Средиземное море и в Атлантический океан.

Этих изливов, видимо, очень много, — заметил Волгин. — Реки широки и полноводны.

— В атмосфере всегда много влаги. Особенно в экваториальной полосе.

При небольшой скорости они летели над Сахарой около трех часов. Наконец на горизонте показался город Космоград — цель их пути.

Волгин видел уже много современных городов и привык к их внешнему виду. В тридцать девятый век дома неслись вверх, они были, как правило, немассивны и располагались на больших площадях. Тем удивительнее был вид Космограда.

Огромное кольцо небоскребов окружало ровное гладкое поле, сплошь покрытое чем-то вроде асфальта. Это поле и было космодромом, где принимались звездолеты и авиалайнеры. Каждый дом был высотой метров четыреста или пятсот. Казалось, что будь на небе облака, крыши этих домов должны были скрываться в них. Архитектура была странна и необычна. Нельзя было определить, сколько этажей имеет то или иное здание. Обычные окна здесь не было. Чередуясь полосами темноты и светлоты, иногда располагавшиеся горизонтально, иногда вертикально. Назначение этих полос трудно было понять. Некоторые дома были совершенно прозрачны, другие, наоборот, выглядели сплошной массой, как одно целое. Два или три были прозрачны внизу и непрозрачны в верхней своей части, что создавало странное впечатление. Остальные здания, парящие в воздухе, были сплошь из прозрачных матчи, верхними концами находились так высоко, что их не было видно. Волгин решил, что это матчи для межпланетной связи.

— Какой странной город! — сказал он.

— Да, он не совсем обычен, — согласился Мэри. — Космоград выстроен очень давно. Тогда считали, что командиры космонавтов должны издавать видеть место посадки.

— Не совсем так, Мэри, — сказал Люций. — Была другая причина. Потом я расскажу тебе, — прибавил он, обращаясь к Волгуну, — и ты поймешь, почему он именно такой. Архитектура Космограда неземная.

— То есть как это неземная?

Люций кивнул головой.

— Это так, — сказал он. — Но мы уже прилетели. Отложим объяснение до более удобного времени.

Арелет опустился на крышу одного из домов. Он оказался огромной площадкой, на которой уже стояло несколько арелетов.

Этот дом принадлежал Сергею — из филиала Института космонавтики. Сотрудники института просили, чтобы ты остановился у них. Не возвращаешь?

— Конечно, нет.

Принетивших встретили четыре человека. Один из них был пожилой, трое совсем молодые. Они поздоровались с Волгиным совершенно так же, как и с его спутниками, — приветливо и без всяких проявлений любопытства. Разумеется, он возбуждал особый интерес, но работники филиала ничем не показали этого.

Их провели в предназначенные для них комнаты, находившиеся на верхнем этаже. Это тоже было признаком внимания. Не надо было далеко идти или подниматься на лифте, чтобы добраться до своего арелета.

Еще подлетая к этому дому, Волгин обратил внимание на отсутствие окон в его верхней части. Но внутри все оказалось залитым солнечным светом. Повторилось то же, что было в Ленинграде, — стены пропускали свет односторонне. Но теперь Волгин уже знал, что яркость этого света, или, иначе говоря, прозрачность стен, можно изменять по желанию.

В Ленинграде нижняя часть стены всегда оставалась непрозрачной. Здесь было иначе. Вся стена, от пола до потолка, казалась, не существовала вовсе. При этом явно не нельзя было увидеть.

Оставшись один, Волгин подошел к изголовью кровати. Впечатление, что он очутился на краю площадки, высвеченная на высоте полукилометра над землей. Неприятное чувство голокружения заставило его тотчас же отойти назад.

Он протянул руку и дотронулся до невидимой поверхности. Стена была той и надежно отделяла его от бездны.

Волгин обратил внимание, что не чувствует африканской жары. В комнате было прохладно.

нате было даже прохладно. Очевидно, стекло или что-то другое, из чего была сделана стена, не пропускало тепловых лучей Солнца.

Внутренняя новая стена была уже хорошо знакома Волгину. Он без труда заставил стену немного потемнеть. И снова проявилась разница между этим домом и тем, в котором он жил в Ленинграде. Там стена темнела вся сразу, здесь золотистая пелена стала медленно подниматься от пола. Когда она заткнула стену до высоты полутора метров, Волгин остановил пелену.

Теперь комната имела более или менее привычный для него вид. Он внимательно осмотрел обстановку.

«Архитектура зданий Космограда неземная», — сказал ему Люций. Очевидно, это относилось не только к архитектуре, но и к внутреннему убранству дома. Пол, потолок, стены (кроме наружной) были непривычны Волгину. Казалось, что они сделаны из губчатого камня, плотной и упругой. Темно-серый пол заметно пружинил. Он напоминал очень толстый ковер. Цвет потолка и стен был совершенно одинаков — бледно-желтый.

«Красивой!» — подумал Волгин. «Вспомогательная» была обстановка. Та же, что и везде, но каждый предмет имел непривычные глаза очертания. Столы, кресла, постель — все было каким-то другим, чужим. Но это всего лишь иными представлениями о красоте и удобстве. Привычно изломанные линии резали глаз, расцветка выглядела слишком яркой, сочетание красок было неприятным.

«Да», — сказал Волгин самому себе, — все это явно неземное. Но чье же!

Он знал, что в солнечной системе нет планет, населенных высокоразвитыми существами. Значит, это копия обстановки какого-то иного мира, находящегося в иной планетной системе.

Самый странный связь с другим человеком уже не мог удивить Волгина. Но для чего понадобилось строить Космоград по типу городов иного мира, этого он не понимал.

Ему вспомнились слова Муница, что археологическая находка на Марсе могла остаться там не со времен первых межпланетных полетов, а от еще более давнего времени. Муници посоветовал ему тогда проехать кингу (Волгин забыл ее название), но он так и не собрался это сделать.

«Простору Люция», — решил он. — Тем более, что он обещал объяснить, почему Космоград — неземной город.

Но прошло совсем немного времени, и Волгин забыл о Космограде, находке на Марсе и обо всем на свете. Люций сообщил ему, что экипаж «Планива» прилетает на Землю не 23-го, как думали раньше, а завтра, 22-го.

— Они добились сокращения срока карантина на один день, — сказал Люций. — Видно, их нетерпение очень велико. Я думаю, — прибавил он, улыбаясь, — что тут играет большую роль твое присутствие.

— Значит, они прилетают завтра, — возмущенно спросил Волгин.

— Завтра, я в десять часов утра.

— А как же встречаться? Успеем они собраться?

— Конечно! Сегодня к вечеру все будет здесь, — Люций внимательно посмотрел на сына. — Ты должен спать эту ночь, как всегда.

— Вряд ли мне удастся заснуть, — сказал Волгин.

«Но это я сам позабочусь», — подумал Волгин. Остаток дня прошел для Волгина, как в тумане. Он не мог потом вспомнить, что делал, с кем говорил.

Вечером, в обычный час отхода ко сну, к нему в комнату зашел Люций.

— Ложись! — сказал он.

— Все равно я не засну, — попытался возразить Волгин.

Люций улыбнулся. Когда Волгин раздвинул и лег, он положил свою тонкую руку на его лоб. Несколько секунд Волгин чувствовал приятное ощущение тепла. Казалось, что в него проникает слабый ток. Потом он заснул и проспал крепко, без сновидений, до восьми часов утра.

Медицина тридцатого девятого века знала надежные средства, совсем непохожие на снотворные снадьба двадцатого.

Проснувшись Волгин, как всегда, бодрим и свежим. В комнате было полутемно. Наружная стена, сплошь затянута темно-золотой пеленой, почти не пропускала света. Очевидно, это сделал уходя, Люций.

Волгин сразу вспомнил, что ожидает его сегодня, и вскочил.

Телефон сообщил ему, что до прилета корабля с Ганимеда еще два часа. Волгин быстро оделся. Туалетная комната помещалась рядом, и в ней он увидел все тот же аппарат для волнового облучения, видимо, доставленный сюда ночью. Люций раз навсегда потребовал, чтобы ни один день не проходил без этой непонятной Волгину процедуры.

Умывание, пять минут у аппарата (он ничего не чувствовал при этом) — и Волгин был готов.

Он подошел к окну.

Золотая пелена опустилась, открыл Космоград, залитый солнечным светом. Волгин обродовался, увидев безоблачное небо, совершенно такое, что оно и не могло быть другим, когда люди управляли погодой по своему желанию.

Далеко внизу расстилась панорама гигантского пола космодрома. Волгину показалось, что он различает множество красных точек. Они сливались, образуя широкий круг.

У него мелькнула мысль о знаменах. Их не было в эту эпоху, но разве не могли люди украсить ракетодом красными флагами в честь вернувшихся космонавтов? Наверное, так и было.

Волгин пролежал в комнате Вадилена, помещающуся рядом.

Молодой астроном уже был одет.

— Пойдемте завтракать, — сказал он, как только увидел Волгина. — Мэри ждет нас.

— А где Люций?

— Он давно уже вилну.

— Почему же меня не разбудили?

— Люций сказал, что ты проснешься сам, и не велел тебя беспокоить.

— А если бы я проспал!

— Нет, этого не могло случиться.

— Учет ли известность с корабля?

— Есть. Они уже близко и придут точно в десять часов. Тебе радиограмма от экипажа «Ленина».

— Где она?

— У Люция.

Милкая настойчивость Мэри заставила Волгина проглотить завтрак, хотя и этого совершенно не было аппетита.

Впрочем, Вадилен и Мэри тоже заметно волновались. Они спустились на поле космодрома на маленьком арелете, который нашли на крыше, рядом со швом.

— Но, может быть, этот арлет принадлежит кому-нибудь! — сказал Волгин.

— Нет, он приготовлен для тебя.

Вадилен всегда отвечал так, как будто он сам и Мэри вообще не шли в свет. Волгин вначале смущался эта манера, потом он привык к ней и только улыбался.

Они направились в густой толпе только потому, что тот сам их окликнул.

Рядом с Люцием Волгин увидел Ио, который приветствовал его с обычной своей сердечностью.

— Познакомься, Дмитрий, — сказал Люций, указывая на стоящего тут же человека с сильно зоревым лицом. — Это Иосиф, тот самый, которому ты в значительной степени обязан своим восркешением.

— Так вот он какой! — подумал Волгин.

Иосиф горячо пожал его руку.

— Я давно стремился увидеть вас, — сказал Иосиф. — Рад, что это случилось сейчас, в столь радостный для вас день.

— Я рад видеть вас, — ответил Волгин почти машинально.

Но даже он не обратил внимания на приближавшимся к Земле кораблем. Он все же обратил внимания на людей, стоявших вокруг, хотя мог легко догадаться, что это члены Верховных советов науки и техники, то есть величайшие ученые Земли.

Волгин осмотрелся.

Полет космодрома действительно было украшено красными флагами. Но он не увидел ни одного поющего на трибуну, которая, по его мнению, должна была здесь находиться. Неужели не будет митинга?

— Не было ни портретов, ни лозунгов. Группа ученых, среди которых он сейчас находился, стояла немного впереди огромного кольца зрителей, и только.

«Словом просто», — подумал Волгин. — Совсем нет торжественности, которой заслуживает подобное событие. Боюсь, что космонавты так же не поймут этого, как не понимаю я.

— Но ахсл он ничего не сказал.

— Чуть не забыл! — обратился к нему Люций. — Вот радиограмма, адресованная тебе.

Волгин севалт ликом.

«Дорогой Дмитрий», — прочел он, — твоё присутствие среди людей, встречающих нас, доставляет нам всем такую радость, которую трудно выразить словами. Больше, чем встречи с Землей, мы ожидаем счастья увидеть тебя. Считаем минуты, Подойди к нам первым, мы все просим тебя об этом. От имени экипажа космодрома «Ленина» — Игорь Второв».

Телеграмма была переведена на современный язык, но в каждом слове звучало для Волгина знакомое, родное, привычное. Люди тридцатого девятого века не говорили так.

Волгин несколько раз перечеа краткий текст.

Когда он поднял голову, с глазами полными слез, то увидел, что все, что стояло возле него, смотрит вверх.

— Они прилетели на тридцать восемь минут раньше срока, — сказал кто-то позади Волгина.

Над космодромом, высоко в небе, что-то длинное и узкое нестерпимо блистало в лучах Солнца.

Межпланетный корабль плавно и быстро приближался к Земле.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

«Земля — колыбель человечества, но нельзя же вечно жить в колыбели».

Так сказал в самом начале двадцатого века великий основоположник звездолетов Константин Эдуардович Циолковский.

Это было сказано тогда, когда сама мысль о полете за атмосферу Земли казалась фантастической, когда многие ученые вообще не верили в возможность преодолеть силу земного тяготения, когда влекущие слова «межпланетный полет» звучали, как волшебная сказка.

Но Циолковский не только сказал: «Это возможно!». Он нашел и указал людям путь в космос.

Пророчество сие ученого начали претворяться в жизнь даже скорее, чем мог думать он сам.

Прошло два десятилетия со дня смерти Циолковского, а в небо уже взлетели первые советские искусственные спутники.

Штурм космоса начался!

Никто не мог предположить, что этот штурм пойдет такими стремительными темпами, как это случилось на самом деле.

Всего через 3,5 года после запуска первого небольшого шара с четырьмя штырями антенн, который навеки вошел в сознание как символ величайшей победы, за атмосферу вырвался корабль с человеком на борту. Это произошло 12 апреля 1961 года, и этот день стал началом новой, великой космической эры в истории человечества.

Люди вышли из колыбели!

Штурм космоса шел неудержимо. И с самого начала во главе его был мир социализма.

Это было законмерно. Трудные дела по плечу не старости, а молодости. Мир социализма был молод. Прогнозостоявший ему мир капитализма состарился и одряхлел.

Прошло немного лет, и человек остался позади еще одну ступень крутой лестницы. Впервые нога человека коснулась поверхности другого небесного тела. Ученые Советского Союза высадились на лунную почву.

Март оказался вторым небесным телом, на которое ступил человек! Звездолет благополучно вернулся на Землю. Первый большой космический рейс успешно закончился.

И перед учеными Земли стала непростимая загадка. До Марса наши спутники растительность. Было ясно, что высокоорганизованная жизнь не развилась на планете, бедной теплом и светом. Все говорило за то, что Марс должен быть безжизненным.

Но на нем оказались два вида животных. Откуда взялись они? Тщательно ломали головы биологи. Наличие двух видов животных, толкая дава, без сомнения, исключало существование других, противоборствующих форм жизни, в которых нельзя было сомневаться.

Было одно объяснение, но оно казалось невероятным. Животные Марса не явились результатом развития органической жизни на самой планете, они появились извне.

Но как фантастично было такое предположение, другого объяснения странному факту не было.

Но тогда откуда взялись животные? Это было еще большей загадкой. Ее надо было во что бы то ни стало разрешить. Человеческий разум не мог мириться с обнаруженной и нераскрытой тайной. И замечательная тайна прошлого солнечной системы раскрылась.

Это произошло во время второго большого космического рейса — на планету Венеру.

Уже в пути, во время промежуточной остановки на астероиде Арсене, орбита которого проходила ближе к орбите Земли и Венеры, было сделано сенсационное открытие. В одном из ущелий безжизненной, беззвучно никогда не обитавшей малой планеты обнаружили гранитные фигуры, установленные руками разумных существ.

Это было первым указанием на великую тайну, указанием, не понятным тогда никому.

Второе звено было найдено на самой Венере. Много открытий, неожиданных и грандиозных, ожидало исследователей. Богатая флора на материке, жизнь в глубинах океана и, наконец, разумные существа, стоявшие, правда, на низкой ступени эволюции, но обладавшие разумом, способные к дальнейшему развитию, — это все, что создавало экспедицию на «Сестру Земли исторической, забываемой в веках».

Но Венера поднесла людям Земли еще один, самый замечательный, самый важный сюрприз.

В густом лесу, на берегу озера, было найдено... космический корабль!

Три гигантских кольца, вложенные друг в друга, пересекались поперечной трубой. Эти кольца так же представляли собой трубы. Диаметр наружного кольца достигал двухсот метров. В центре находилось ядро небывшей формы. Материал, из которого был сделан корабль, походил на металл, но был нежесток на Земле.

Было очевидно, что звездолет (в том, что это именно звездолет, не приходилось сомневаться) появился здесь очень давно. Тысячелетние деревья росли снаружи и внутри кольца. Многие из этих деревьев выросли из-под корабля, изгибаясь по поверхности труб, видимо, необычайно прочных. Другие проросли сквозь крепления, соединявшие кольца. В дальнейшем оказалось, что этот корабль прибыл на Венеру почти сто тысяч лет тому назад.

Откуда он прилетел? Где была родина его экипажа? Почему, достигнув Венеры, космонавты не улетели с нее?

Вопросы членов экспедиции проникли внутрь чужого корабля. Секрет удалось разгадать.

И тут началось «чудо».

В то время наука Земли только начинала понимать необъятные возможности, заключенные в биотоках человеческого мозга. Технические возможности этой силы, которая теперь приняла во все области техники, тогда еще не выходило дальше создания искусственных конечностей и простейших автоматов, управляемых мозговыми импульсами.

Корабль фатонцев (сразу после того, как люди проникли внутрь корабля, они узнали, что он прилетел с Фатоне — пятой планеты солнечной системы, и спешившей в результате космической катастрофы, планеты, орбита которой находилась не месте, где до сего дня находится первый пояс астероидов, между орбитами Марса и Юпитера) был насыщен техникой биоток, настолько развитой, что ее можно было сравнить с современной.

Сперва люди не догадывались об этом. Люди корабля открывались перед ними как чудом. Самым же странным трубом становился прозрачный и терпкий воздух с пульсацией целесообразности. Точно точно и невнимательно, внимательно следил за ними, вел дух людей осторожно и уверенно, по отсечкам, заполненным неизвестными механизмами.

Даже сейчас, в наш век, можно поразиться тому, что через сто тысяч лет двигатели корабля, все его приборы и механизмы сохранились в полной исправности. Звездолет фатонцев, хозяева которого давно уже умерли, был жив и готов к полету. Люди Земли считали его мертвым, а он только спал.

И люди Земли разбудили корабль. Борис Мельников и Геннадий Второв (так звали двух людей, проникших в корабль фатонцев) хорошо понимали, что перед ними техника, основ которой они не знают. Исследуя корабль, они попали в помещение, где находился пульт управления. Могло ли прийти им в голову, что даже здесь все основано на биотоках, на импульсах строго дисциплинированной мысли!

Мы не знаем подробностей, рассказа об этом событии самки его героя не сохранилось. Мы можем только предпологать.

Видимо, очутившись перед пультом, назначение которого они сразу не поняли, оба исследователя стали его рассматривать. Один из них сел в кресло перед пультом. Мы знаем теперь, что управление кораблем требовало знания только одного, когда кто-нибудь садился в это кресло. Но ведь оно этого не знало.

Биоток сопровождал каждый активный импульс мозга. Он возникал независимо от воли человека. И каждое «желание» создаст биоток определенной частоты, определенной силы.

Почему у Мельникова или Второв возникло желание «поднять» корабль, мы не знаем. Возможно, что это произошло в результате соответствующего разговора. Как бы то ни было, но корабль фатонцев действительно поднялся и улетел с Венеры. Могучая сила антигравитации штурвала разорвала оковы леса, в которые был заключен корабль.

Два человека, они узнали, а в дальнейшем — и управление кораблем, которым они не умели управлять. Вернее сказать, на корабле, которым они не должны были уметь управлять.

Гибель казалась неизбежной.

Посли бы эти люди поддалися чувству безнадежности, отчаяния, они могли бы.

Валет корабля с Венеры, все, что произошло перед этим взлетом, они подвергали тщательному анализу. И догадались, поняли, чем и как управляется корабль.

Звездолет экспедиции, конечно, ринулся в погоню за улетевшим «фатонцем». Экипаж не мог не попытаться спасти своих товарищей. И тогда корабль встретился в пространстве, между Венерой и Землей.

Здесь была допущена ошибка. Она извинительна, если вспомнить, что космические полеты еще не были привычны людям. Сознания, как важен и нужен этот чужой звездолет для науки Земли, космонавты не ринулись вперед его прямо на Землю, а решили для вынужденного вынужденно наведаться на небесное тело с меньшей силой тяготения. Они избрали для этого астероид Цереру.

Их ошибка заключалась в том, что никто не подумал о запасах энергии, оставшихся в звездолете фатонцев. А эта энергия уже истощалась. Достигнув Цереры, «фатонцы» отказались слушаться дальности. В числе вещей техника овладела антигравитацией, и в космических кораблях не приходится опасаться нехватки энергии. Отсюда мы делаем вывод, что наука фатонцев сто тысяч лет тому назад еще не достигла нашего современного уровня. Но она была на полторы тысячи лет вперед науки и техники двадцатого века.

И, несмотря на такой разрыв, люди научились управлять фатонским кораблем!

Оказавшись на Церере, в окончателно «кумерном» корабле, люди были спасены другим звездолетом. А фатонский так и остался на этой малой планете, где стоит и сейчас, такой же несокрушимый, каковы наши же на Венере.

2

...«Фатонцы знали, что третья планета, которую они называли Гедей, населена разумными существами, стоявшими тогда на низкой ступени развития. Они знали, что гедейцы ступят во все области им самим, рано или поздно посетят Марс и Венеру. Фатонцы, оставшиеся на Венере без надежды улететь с нее (им некогда было лететь, потому что их родина — Фатон — не существовала больше), подготовили упрощенный, с их точки зрения, инструмент, для того чтобы люди, которые войдут в звездолет много времени спустя, могли узнать все, что произошло, узнали, где искать человечество, волей судьбы покинувшее Солнце».

Мельников и Второв дважды смотрели этот фильм, пересняли его и рассказали о нем другим людям.

Почему Марс раскрылся.

Животные, так поразившие своим существованием земных ученых, оказались не амарнскими, а «фатонскими». Это были животные погнбшей планеты, привыкшие к разреженному воздуху, так как на Фатоне они жили в высокогорных районах. Они были доставлены туда перед катастрофой, о приближении которой фатонцы знали. В то время, когда люди посетили Марс, эти животные находились уже в стадии вымирания, чем и объясняется их малочисленность.

Но фильм рассказывал не только об этом.

Гранитные фигуры на Арсене, значки культуры обитателей Венеры — все это были следы оставшихся фатонцами. Но они хотели, чтобы земные люди — гедейцы — не только поняли, что случилось с пятой планетой, но только узнали, где находится сейчас дети Солнца, но и могли завязать сношения с ними.

Фильм, который увидели люди на фатонском корабле, дал указание, где искать «наследство» оставшихся фатонцев. Но они хотели, чтобы земные люди — гедейцы — не только поняли, что случилось с пятой планетой, но только узнали, где находится сейчас дети Солнца, но и могли завязать сношения с ними.

Шары были сплошными, сделанными из материала, обладавшего сверхпрочностью. Известность в то время режущих средств не могли справиться с ним. Но как оказалось, резать шары и было не нужно.

Фатонцы применили и здесь свою высокую технику биоток. Больших трудов и богатой фантазии потребовало раскрытие секретов шаров. Но он был раскрыт, и люди узнали, что хотели сказать им фатонцы.

И снова оказалось, что шары заключали в себе только дальнейшие указания, а не самую суть вопроса.

Фатонцы переустраивали. Можно было сделать все гораздо проще и даже надежнее. Задуманное ими было слишком сложно, сохранность «наследства» подвергалась целому ряду случайностей.

Но рассуждать и находить недостатки спустя несколько столетий

РУССКАЯ, ТУЛЬСКАЯ

Ито же знает русской гармоникой? Знает концерт самостоятельности, свадба или барыня гулять обидется без этого сирочного на вид музыкального инструмента. Одно из изобретений, что родина хроматической гармонии — Тульская изобретатель — стар-красильщик Николай Иванов Белобородов.

В прошлом веке в России распространилась венская двурядная гармонь. В разных областях страны мастера по-своему изгалявали этот инструмент: появились гармонии «венки», «тапльнки», «ливневи» «саратски», «австрийские».

Среди знатоков Белобородов был замечательным гармонистом. Но ограничение возможностей «венки», отсутствие полутонов не удовлетворяли Белобородова. У него появилась мысль усовершенствовать инструмент.

Прошло несколько лет и вот в 1870 году появилась первая в мире хроматическая гармоника, которая в клавиатуре правой руки имела все полутоны.

Хроматические орестровые гармонии И. Белобородова изгалялись семи видов: prima, secunda, флейта-пиано, баритон, виолончель, контрабас. На новой гармонии можно исполнить и сложные знаменитые произведения. Вечерами Белобородова собирались рабочие Курьянского завода, которые и составили оркестр Белобородова.

В феврале 1887 года в Туле состоялся первый публичный концерт Белобородова широкой известности. Оркестр выступал в разных городах России: Москва, Петербург, Воронеж, Казань, Киев, Пенза, Пермь, Изюмские слушателями, для которых игра на гармонии звучала как исполнение величайших произведений; увертюры из опер «Пиковая дама» и «Валсы Сусаннины», вальсы «Фантазия», мелодия «Цыганского барона», вальсы Штрауса.

Белобородов сам делал переложения музыкальных пьес для гармонии, общающийся при этом с композиторами. В Москве увидело свет обширное издание «Книга для хроматической гармонии» по системе И. Н. Белобородова. Там были собраны все орестровые партитуры. Природный талант и изумительный музыкальный слух позволили Белобородову самому писать музыку. Он сочинял вальсы и полону «Фантазия», которые оркестр исполнял вместе с другими музыкантами.

Однажды оркестр выступал в Ясной Поляне. Возвращаясь, музыканты случайно встретились со Львом Николаевичем Толстым. Великий писатель просил что-нибудь сыграть, так как оркестр его сильно заинтересовал. Гармонисты дали импровизированный концерт. Толстой внимательно выслушал выступление, поднялся тому, что на гармонии можно исполнять серьезные произведения, и похвалил талантливых музыкантов.

Об изобретении универсальной гармонии узнали далеко за пределами нашей страны. В Тулу неоднократно приезжали представители австрийских и немецких гармонных фирм. И. Н. Белобородов патент на изобретение хроматической гармонии. Но на ее предположения орудиями ответ: русские изобретатели не имеют права патентовать.

Хроматическая гармоника изобретена И. Н. Белобородовым и следствием ее назвали бланом — по имени великого певца, знавшего и похвалил талантливых музыкантов.

В Тульском областном краеведческом музее хранится первая хроматическая гармония, которая до нашего времени сохранилась. В Туле Белобородовом, там же исполняются вальсы, фантазии, оперные увертюры, фотографии изобретателя и оркестрантов.

Л. БОРНСОВ

ко заметить, что наука этого периода развивалась односторонне. Космический стала преобладавать над всеми остальными областями знания, охватывавшимися как бы в зените. Именно это послужило причиной заметного отставания фатонцев во всем, что не касалось космических полетов.

Казалось бы, что это не может иметь большого значения, поскольку время идет о науке и технике фатонцев, а техника имела тысячу веков тому назад. Но, как увидит читатель, отставание того периода сыграло огромную роль.

В солнечной системе фатонцы не нашли подходящей для них планеты. Марс был непригоден по ряду причин. Земля и Венера, помимо того, что были слишком малы, имели очень высокие температуры, население и находились слишком близко к Солнцу. Фатонцы не могли жить в условиях «жаркого» для них климата.

Пришлось искать пригодную планету вне солнечной системы. Космоплеты фатонцев изобразили окрестности Солнца в радиусе пятидесяти световых лет.

Катастрофа неминуемо приближалась. Точный момент гибели Фатона был вычислен, и в распоряжении фатонцев оставалось не столь уж много времени.

Когда была найдена свободная планета в системе Веги (созвездие Лира) выбора уже не было. Пришлось остановиться на ней.

Эта планета по размерам и составу атмосферы оказалась копией Фатона. Она была крайней планетой и от центрального светила — Веги — отстояла очень далеко и благодаря этому освещалась и согревалась плохо, но все же достаточно для фатонцев. Ведь Вега значительно крупнее Солнца и горячее его. Солнце — звезда желтого, Вега — голубая.

Фатонцы прекрасно отдавали себе отчет в разнице между Солнцем и Вегой. Они понимали, что излучения чужого солнца могут отрицательно сказаться на них. Но они надеялись справиться с ними, так как Вега, и кроме того, у них не было возможности снова принимать ее за поиски.

Великое переселение началось. Оно продолжалось несколько столетий. (Здесь условно указываются наши земные меры времени. Фатонский год более чем вдвое превышает земной.)

Когда катастрофа приближалась вплотную, переселение было закон-

очень легко. Шары указали, что надо искать в точке Южного полюса. Туши и отравились люди.

Там, на глубине шестидесяти метров, строго на линии земной оси, находилось надежно укрытое помещение, где были приготовлены для людей телуестройство, кстаны сквазны, снова снабженные не звуковыми, а мысленными — мозгоимпульсными — устройствами, и механизм, приводящий в действие межпланетную связь между Землей и Новым Фатонном, находящимся в системе Веги.

Люди узнали, что обитатели погибшей планеты спаслись. И что они намерены явиться на Землю, когда гедейцы позовут их.

С этой целью они установили на орбитам из крупных астероидов второе внешнее кольцо (они сами считали его первым и единственным) установку мгновенной связи, действующую на принципе возмущения гравитационного поля. Связь сопровождалась чудовищной вспышкой света. Можно сказать, что в этот момент в нашей системе вспыхнуло на мгновение второе Солнце. Астероид был сожжен и развезен в прострестав.

Но его гибель пропала в пустоту. Сигнал не был принят. Почему это случилось?

Как мы знаем теперь, гравитационная связь требовала исключительной точности наведения «луча». Отклонение на два-три ангстрема! уведило «луч» далеко в сторону от цели. Ковыли были автоматическая установка фатонцев, управлявшая «лучом», мы не знаем, они погибли в результате вспышки, но можно сказать почти с полной достоверностью, что они не могли сохранить свою точность на протяжении тысячи веков.

В течение ста лет люди ждали прилета фатонцев. Но они так и не прилетели, это случилось гораздо позднее.

Отчего же погиб Фатон? Что случилось с большой населенной планетой солнечной системы?

Орбита Фатона проходила там, где сейчас находится первый пояс астероидов. Астероидов давно, задолго до появления космических кораблей и находки на Арсене, подозревали, что между Марсом и Юпитером была когда-то пять крупных планет, и назвали ее Фатонном. (Сами фатонцы называли ее Дийаной.) Было высказано предположение, что пояс астероидов образовался в результате гибели Фатона. Все это оказалось правильным.

Большое тело. Ученые правильно поняли и причину гибели Фатона. Небесные тела движутся равномерно и равномерно, с постоянной скоростью, если ничто не мешает им. Солнце могучей силой своего гравитационного поля заставляет планеты падать на себя. Возникнут две связи — центробежная и центростремительная. Если обе силы уравновешивают друг друга, планеты движутся по эллипсу, в одном из фокусов которого находится Солнце. Но если одна из этих сил преобладает, картина изменяется. Эллиптическая орбита превращается в спираль. Когда преобладает центростремительная сила, планета с каждым оборотом приближается к центральному светилу, а когда центробежная, то удаляется от него.

Это и случилось с пятой планетой нашей системы.

Фатон был обречен законами небесной механики на неизбежную гибель, потому что его поступательная скорость превышала скорость падения на Солнце.

Отчего это произошло?

Было ли так с самого начала, с момента возникновения Фатона как небесного тела, или планета сперва двигалась по правильной, эллиптической орбите и только потом, в результате внешнего воздействия, ускорила свой бег? На такском, и гравитационном поле я бы не знаю, что происходило в солнечной системе в далеком прошлом, когда еще не было ни одного разумного существа.

Достоверно только одно. За период высокоразумной жизни на Фатонном никаких внешних воздействий на движение планеты не было. Оно могло иметь место только в период «младенчества» человечества Фатонна. Иначе раньше.

Наука фатонцев развивалась, в общем, параллельно с будущей нашей Земли. Общность происхождения (оба человечества обязаны своим существованием Солнцу) повлияла не только на внешние формы людей и животных обеих планет, но и на линии их развития. Обе науки шли одним и тем же путем.

Как и на Земле, первой наукой фатонцев была астрономия. Это естественно. Небо с его звездным зором само притягивает к себе внимание разума, начинающего познавать окружающий мир. Астрономия же неизбежно приводит к математике.

Неправильность в движении планеты была обнаружена фатонскими учеными сравнительно скоро. Но то, что следовало за этой неправильностью, к чему она должна была привести, открылось им значительно позднее.

С каждым оборотом, с каждым годом орбита Фатона увеличивалась, планета удалялась от Солнца, приближалась к орбите Юпитера. Масса, а следовательно, и гравитационное поле габита солнечной системы была в полторы тысячи раз больше массы Фатона. Сближение с Юпитером грозило планете гибелью.

И предотвратить катастрофу было выше человеческих сил.

К счастью для фатонцев, трагическая истина стала известна тогда, когда наука и техника достигли очень высокой ступени развития. Если орбита не могла изменить скорость движения планеты, то были уже достаточно могучи, чтобы принять меры к спасению ее человечества.

Для этого существовало только одно путь — найти другую подходящую планету и переселиться на нее раньше, чем Фатон будет разорван приближением Юпитера.

Их наука получила мощный толчок к бурному развитию — жесткую необходимость. Медлить было нельзя.

Отдаваясь сейчас на путь, пройденный предками фатонцев, лег-

1 Ангстрем — единица длины, равная 10⁻⁷, или 0,0000001 мм.

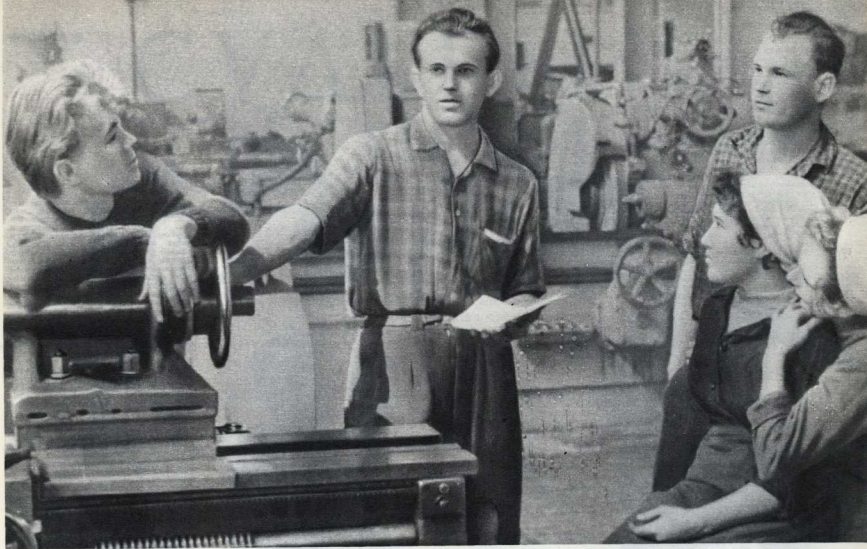

Фото С. ГЕНДЕЛЬМАНА.

Космонавт Геннадий Мозолевский, товарищ Горьковского машиностроительного завода имени Кирова, уезжает в поезд. Его стихи печатаются в горьковской газете «Кочегарка», а заводской многотиражке. Передо Геннадий читает свои новые стихи товарищам по работе.

чено, Восхищение вызывает тот факт, что из сотен тысяч космонавтов в пути погибли единицы.

Жизнь на Новом Фэтоне началась. Так покинули солнечную систему дети Солнца, старшие братья земных людей.

Заканчивая это предисловие, надо сказать несколько слов о судьбе последних восьми фэтонцев, которые должны были улететь к Веге только после гибели Фэтона. Наблюдение за катастрофой, за тем, как на месте планеты появились обломки, образовавшие затем пояс астероидов, велось ими с Земли.

Нетрудно представить себе, как испытывали восемь человек, видя разрушение своей родины. Великие счастье для нас, что участь Фэтона не угрожает Земле.

Орбита Фэтона приближалась к орбите Юпитера на критическое расстояние. Ближайшее противостояние обеих планет было роковым. Этот момент настал. Мощное тяготение гигантской планеты преодолело внутренние силы сцепления вещества Фэтона, и планета разлетелась на части.

Случилось так, что один из обломков, устремившись к Солнцу, встретился с Землей. И упал на нее как раз в том месте, где стоял звездолет восьми фэтонцев. Варьвом уничтожил межзвездный гравитационный двигатель. Корабль был обезоружен, лететь к Веге было невозможно. И восемь фэтонцев вынуждены были остаться в солнечной системе.

Межпланетный двигатель не пострадал. Экипаж корабля решил лететь на Венеру и там остаться. Почему они приняли такое решение, непонятно не только нам, но и потомкам фэтонцев. Было логичнее остаться на Земле.

Это был тот самый корабль, который люди нашли на Венере, тот, в котором увезли с нее Мельников и Второв. И который в конечном итоге оказался на Церере¹.

В дальнейшем нам будет изложена история фэтонцев с начала их цивилизации. Она рассказана самими фэтонцами во время их последнего пребывания на Земле, шестист лет тому назад.

Волги опустит книгу на колени.

— Только подумать,— прошептал он,— что все это происходило не так уж много времени спустя после моей смерти. Я мог бы дожить до этих дней.

То, что он прочел, произвело на него большое впечатление. В его время, которое даже ему самому казалось уже седой стариной, во второй половине двадцатого века, или, пользуясь современной терминологией, в первом веке коммунистической эры, люди уверенно совершали полеты к планетам солнечной системы! Что же удивительного в том, что сейчас, через двенадцать веков, они чувствуют себя во всей солнечной системе, как дома. Так и должно быть.

Книга называлась «Летая планета». Это была та самая книга, которую давно уже рекомендовал прочесть Мундич. Волги встал за нее сразу после того, как ему пришлось быть переводчиком на объединенном заседании советов науки и техники, на котором Второв сделал доклад о результатах полета «Ленина».

Многое из того, что говорил командир космонавта, было совершенно непонятно Волгину. Слово «Фэтон», неоднократно упоминавшееся в заявлении Второв, что они не нашли Фэтона в планетной системе Веги, ответил, что на Земле уже знают об этом, Волги понял, что настало время ознакомиться с историей вопроса.

Экспедиция «Ленина» предстояло еще несколько дней провести в Верховном совете науки. После первого общего доклада, сделанного Второвым, участникам экспедиции должны были ознакомить ученых более подробно, каждый по своей специальности. Услуги Волгина при этом не требовались, были доставлены переводчики-автоматы.

Он вернулся в Ленинград с Владимировым и Марк. И в ожидании возвращения своих новых друзей взялся за «Путю планету».

Прочитав начало, он задумался. Автор книги восхищался тем, что люди двадцатого века, близкие Волгину по времени, когда они жили, судя о лаводке техники фэтонского корабля. Разрыв в полтора тысячелетия не помешал им понять наземскую технику. «Землет, и я могу понять и освоить технику тридцати девятого века»,— подумал Волги. И эта мысль доставила ему большое облегчение.

¹ См. роман Г. Мартынова «Звездоплыватели».

Продолжение следует.

На что жалуетесь?

К л у б юбилейных шуток

Рисунки К. НЕВЛЕРА.

— Меня всю издергали!

— За последнее время я здорово сдал...

— Видите ли, выражение ему кое не понравилось!

— Тружусь, недосыпаю!

— Молодежь! Не любят советоваться с нами, старшими!

ШУТКИ-МАЛЮТКИ

— Ваш арифмометр сломался при подавлении годового отчета, — нарисала бухгалтер колхоза на завод.

— А он не предназначен для подсчета дутых цифр, — ответил оттуда.

Прислал В. Мурашов (г. Свердловск).

— Вот люди! Мой сосед нарочно задел черную иголку, чтобы она переходила мне дорогу!

Прислал Г. Демидов (г. Караганда).

— Какие у вас чудесные, искренние глаза! Я читаю в них все ваши мысли.

— Неумели? И вы не обнимаетесь?

— Не могли бы вы одолжить нам сегодня на ночь вашу радиолу?

— Вы хотите так поздно танцевать?

— Нет, мы хотим спать.

В. Милушин

— Не пора ли сделать перемены?

Рисунок Е. ГОРХОВА (по теме В. Пулюнинова).

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

